
SOLAR J
Проливные дожди в квартале Асакуса

Solar J

Проливные дожди в квартале Асакуса

«Rugram»

2026

Solar J

Проливные дожди в квартале Асакуса / Solar J — «Rugram», 2026

ISBN 978-5-51-714600-7

Сэтоши Ямадзаки, владелец частной фирмы по оказанию шаманских услуг, пытается справиться с аномальным проливным дождем в одном из туристических районов Токио. Для этого ему нужно уничтожить «карманную вселенную», которая и является источником аномалии.

ISBN 978-5-51-714600-7

© Solar J, 2026
© Rugram, 2026

Содержание

Глава первая, в которой Сэтоши Ямадзаки безуспешно пытается справиться с проливным дождем 5
Глава вторая, в которой Конэко Окадо узнает тайну прорехи в квартале Асакуса 12
Глава третья, в которой Мизуки Або сгорает от раздражения к девушке с запахом вишневой жвачки 19
Глава четвертая, в которой Сэтоши Ямадзаки обнаруживает «карманную» вселенную 25
Глава пятая, в которой Конэко Окадо ходит по краю пропасти 32
Глава шестая, в которой Рэй Иендо спасает малыша из «кармана 1310» 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

J Solar
Проливные дожди в квартале Асакуса

Глава первая, в которой Сэтоши Ямадзаки безуспешно пытается справиться с проливным дождем

Любой, кто видел дождевые кружева, серебристые и дрожащие под порывом ветра, до конца дней будет утверждать, что не существует зрелища прекрасней. Да и как по-другому, когда небо заволакивают хрустальные сети и солнце загорается в каждой капельке воды? Миллионы светил и миллионы взрывающихся золотом крохотных вселенных. И стоишь завороженный, и мечтаешь прикоснуться хотя бы кончиками пальцев к мерцающим узорам, и мысленно представляешь их тихий и нежный перезвон.

А Сэтоши Ямадзаки, шаману и владельцу фирмы «Ямадзаки и партнеры», и представлять не приходилось. Он эти узоры из дождя создавал сам: линейные и сетчатые, круговые и асимметричные… Никакого волшебства. Обычная техника. Управлять дождем Сэтоши умел, как боженька, но только не ливнем в квартале Асакуса[1]. Аномалия, продолжавшаяся уже несколько недель и главным образом сосредоточенная над величественным храмом Сэнсодзи, была неподвластна ни государственным шаманам, ни таким мелким частникам, как Сэтоши.

Он стоял напротив внешних храмовых ворот Каминаримон и бамбуковой палочкой, словно ленивый дирижер, управлял ближайшим краем дождевой сети, неторопливо опуская ее к крыше храма. По опыту знал: чем ниже, тем прочнее. Статуи богов ветра Фудзина и грома Райдзина, находящиеся по обеим сторонам ворот, с осуждением взирали на безуспешные попытки шамана справиться с дождем. Вчерашнее кружево продержалось всего три часа. Но служители храма и этому были невероятно рады, потому что зонтики давно уже стали продолжением их рук. Но потом вновь хлынул ливень.

– Сэмпай[2], слишком низко! Ну божечки! – рявкнул в наушник голос Моти. Слово «сэмпай» никогда еще не звучало так оскорбительно.

– Заткнись, Моти, – прошептал Сэтоши, наблюдая за тяжелой тучей, что ползла на запад, и как солнце с нетерпением выглядывало из-за мрачной завесы. – Давайте пошаманим! Рэй, начинай! Команда, фиксируйте края!

Его друзья, которые пафосно называли себя партнерами, разбрелись по храмовому двору и общались по конференц-связи. Сейчас начинался самый сложный этап работы: необходимо было неподвижно удерживать кружево, пока Рэй проводил ритуал. Никто и никогда заранее не знал его следующий шаг: пение, танец, игра на флейте, разжигание благовоний или глоссолалия. Рэй приходил на работу с огромным рюкзаком, наполненным разными вещицами, и уже в процессе на интуитивном уровне выбирал ритуал.

Сэтоши свободной рукой собрал капельки воды, что зависли в воздухе прямо перед его лицом, и направил их вверх, образуя элегантный завиток. На мгновение залюбовался. Хорошо получилось! Если все пройдет удачно, то аномалия будет запечатана и дождь прекратится, правда, пока непонятно на какой срок.

В наушнике раздалось отрывистое дыхание: Рэй танцевал.

Неожиданно разом заговорили несколько человек:

– Можно с тобой сфотографироваться?

---

[1] Туристический квартал в токийским районе Тайто.

[2] Человек, у которого больше опыта в той или иной области.

– Ты же шаман Ямадзаки? Все наши одноклассницы мечтают с тобой познакомиться.

– Я видела разоблачение на тебя у блогера Харуки Ватанабэ.

Сэтоши вздрогнул, но бамбуковую палочку не опустил. Он боковым зрением заметил трех девочек-подростков, от которых пахло дешевой туалетной водой с фруктовым ароматом. Они смущенно хихикали и размахивали телефонами.

– Извините, я занят. Пожалуйста, отойдите!

Моти тут же завопил в наушник:

– Сэмпай, что ты сказал? Куда нам идти?

– Я не вам, ребят. Продолжаем!

Сэтоши решил не реагировать на девчонок. Пусть хоть на голове стоят! Сейчас главное – удержать края дождевого кружева, пока Рэй совершал ритуальный танец. Но назойливые фанатки постоянно мельтешили, пищали этими своими кукольными голосками и повсюду разбрызгивали воду из луж.

– Ой, прости, ты занят. Мы тогда просто захватим тебя в кадр. Хорошо?

– Открой зонтик, Юна!

– Зачем?

– Будет красивая фотография. Типа, дождевая сеть, шаман и радужный зонтик.

Одна из девчонок случайно задела Сэтоши плечом, и он попросил еще раз, пытаясь не показывать раздражение (на камеры же снимают, а у него благодаря всяким блогерам репутация и так сомнительная):

– Пожалуйста, отойдите!

– У тебя все в порядке? – На этот раз наушник заговорил обеспокоенным голосом Мизуки. – Ты же знаешь, что Рэя во время ритуала лучше не беспокоить!

– Я зна…

Внезапно радужный зонтик с громким хлопком раскрылся, взлетел в воздух и почему-то приземлился на плечи Сэтоши. Он испугался резкого звука, покачнулся и отпустил край кружева. Одновременно пошел дождь и выглянуло солнце.

Такое явление шаманы называют фестивалем света. Оно длится всего мгновение, когда дождевые кружева рассыпаются на отдельные капельки по небосводу, и, если в это время светит солнце, сияние такое яркое, что и глядеть больно. Короткий момент счастья и невероятной красоты, а потом – вновь дождь. Сэтоши много раз пытался запечатлеть фестиваль света. Устанавливал камеру прямо на лужайке возле дома и в солнечный день плел сети из воды, а потом разрушал их. Но на записях всегда оказывались лишь оранжевые вспышки.

– Какого чер-р-рта, сэмпай? – хриплым голосом завопил Басёк. – Два часа работы…

Сэтоши выдернул наушник из уха и низко опустил голову, чтобы холодные потоки не застилали глаза. Ноги по щиколотку утопали в гигантских лужах. Кроссы теперь вовек не высушить.

Надо было обуть резиновые сапоги. Или вообще не выходить из офиса сегодня. Трехцветные кошки никогда не ошибаются.

Сэтоши вспомнил, как этим утром Пупырка, любимица всех партнеров, вцепилась когтями в его худи и активно терлась мордочкой, пытаясь привлечь внимание. Басёк, одержимый всеми котами в мире, пытался убаюкать Пупырку в войлочном домике, но та предпочитала спать в человеческих объятиях.

Сэтоши вынырнул из горестных мыслей и обнаружил, что его снимали на телефоны прохожие. Камеры осторожно выглядывали из-под зонтичных шапок. А вот радужный зонтик, как и девочки-подростки, куда-то исчез.

Впрочем, посетителей было очень мало в последние недели. Они покрывали себя и свои рюкзаки дождевиками и поэтому казались призраками, бредущими в тумане. Оно и понятно! Новости про затопленный квартал быстро разлетелись по всему Токио. Владельцы магазинчи-

ков на торговой улице Накамисэ, располагающейся между внешней частью ворот Каминаримон и внутренней – Ходзомон, переживали свои не самые лучшие времена.

И когда казалось, что день не может стать еще ужаснее, позади прозвучал голос, который Сэтоши ненавидел больше всего на свете:

– Дела идут не очень, Ямадзаки. Верно?

Сэтоши обернулся и ехидно улыбнулся:

– Твою одержимость моей персоной, Ватанабэ, нужно исследовать в научных лабораториях.

Высокий худощавый парень в плаще и с водонепроницаемой камерой *GoPro* положил голову на одно плечо – его привычное движение на полпути между высокомерием и любопытством.

– Но я не буду отрицать, что кружева были великолепными. И твои движения бамбуковой палочкой – просто ах! Кстати, самый частый комментарий под любым моим видео: почему Ямадзаки так делает, разве другие шаманы не управляют природными явлениями руками?

– Так может дать тебе интервью, раз весь контент строится исключительно вокруг моей персоны? – Сэтоши даже наклонился вперед, чтобы заглянуть Харуки в глаза, но тот искусно избегал зрительного контакта.

– Дай обещание моим подписчикам. Я тебя сейчас снимаю.

– Выключи, придурок! – Сэтоши шагнул к Харуки и, когда убедился, что камера выключена, продолжил. – Перестань преследовать меня. Ты знаешь мое положение. Знаешь, что я постоянно меняю офисы, что я не могу платить налоги. Твой блог привлекает слишком много внимания к моей работе. Мы же вместе поднимались с самого дна. Ради всего хорошего, что между нами было, оставь меня в покое.

Харуки вздрогнул, и по его телу пробежала волна брезгливости.

– Хорошего? Ах ты эгоистичная скотина…

Но он не успел договорить, потому что по улице пронесся раскат грома:

– Да я тебе шею сверну, Ватанабэ-э-э!!!

Из ворот Каминаримон выбежал грузный Моти, и в этот момент он не выглядел рисовым пирожком[3]. Даже божества Фудзин и Райдзин меркли перед его яростью. Этих нескольких секунд было достаточно для Харуки, чтобы незаметно уйти. Он всегда так делал: появлялся из ниоткуда и уходил в никуда.

Сэтоши направился навстречу Моти. Меньше всего ему хотелось сейчас возмущенных криков, так что он пошутил:

– Возвращайся в состояние милой булочки!

Но Моти шутку не заценил и набросился на Сэтоши:

– Потому что ты ему позволяешь! А чувака нужно судить за сталкерство!

Дождь приклеил кучерявые пряди Моти к толстым розовым щекам. Его ноздри так широко и гневно раздувались, что в них можно было поместить по виноградине.

Все-таки, рисовый пирожок, – подумал Сэтоши, а вслух сказал:

– Предлагаешь мне, человеку, который несколько лет не платит налоги, обратиться в суд?

Моти обиженно проворчал:

– Ну он же сталкер.

– Смотри, Цзюэ бежит! – Сэтоши указал на невысокого лысого служителя в черном халате, подпоясанном ремнем.

Нижнее белое одеяние пестрело грязными разводами. Мужчина с трудом перебирал короткими ногами в явно чужих и огромных желтых сапогах. За Цзюэ следовали разочарованные Рэй, Басёк и Мизуки.

---

[3] Моти (*яп.*) – пирожное из рисового теста.

– Мой мальчик, не переживай! Попробуете в другой раз, – выкрикнул, приближаясь, Цзюэ. Он был дальним родственником Сэтоши и относился к нему с особой нежностью.

– Давайте продолжим, ребят! – предложил Басёк. Его квадратная челюсть дрожала так сильно, что, казалось, вот-вот отвалится. – Все равно мокрые, как черти!

Мизуки, укутанная в длинный плащ, ступила к Сэтоши, видимо, желая обнять его и тем самым приободрить, но он неосознанно отстранился и отрицательно покачал головой:

– На сегодня – все! Мне так холодно, что я кончиков пальцев не чувствую.

– Мальчик мой, ты действительно замерз! – От Цзюэ пахло сандалом, и даже завеса дождя не могла скрыть этот аромат, который навсегда въелся в кожу монаха.

♫ Jungkook «Still with you»

Сэтоши подумал про курильницу благовоний, огромную бронзовую чашу, которая была установлена напротив храма Сэнсодзи. Посетители втыкали в курильницу сандаловые палочки, зажигали их, а затем ладонями навевали на себя дым для очищения и исцеления. Уже несколько недель чаша выглядела всеми забытой.

– До свидания, дядя! Нам пора! – Сэтоши поклонился Цзюэ, собираясь уходить, но тот горячо зашептал, и его голос смешался с шумом дождя и зазвучал гипнотизирующе:

– Тот, кем ты сейчас являешься, – это результат твоих мыслей. Ты так сильно полагаешься на свои руки и талант! Но… Отпусти эту ситуацию и позволь событиям просто течь, мой мальчик. Размышляй о том, что эта аномалия – не твоя личная проблема. Будь сострадательным к себе. Проблемы – это всего лишь часть пути, а не его конец. Хорошо? – Монах громче добавил: – Езжайте домой и не забудьте принять лекарство от простуды!

Сэтоши поклонился монаху еще раз и помог синеволосому Рэю надеть объемный рюкзак.

– Я хотел бы дотанцевать, – печально пробормотал он.

– Я знаю. Прости, – сказал Сэтоши.

Шаманы направились к подземной парковке, где был припаркован их кроссовер *Hyundai*.

*** * ***

Пупырка сидела на подоконнике и нежилась в мягких лучах вечернего солнца. Розовые ушки казались прозрачными, а шерстку словно обсыпали золотой пылью. Свет медовыми волнами набегал на стены и потолок небольшого офиса: два стареньких дивана, пара кресел, длинный рабочий стол и компьютер, за которым в основном работала Мизуки, оформляя заявки на шаманские услуги.

Партнеры ужинали едой из доставки. Молча и без особого аппетита. Это был тот самый случай, когда усталость превозмогла голод. Они переоделись в сухую одежду, но волосы так и оставались влажными. Мизуки повозилась с феном, но он дул только холодным воздухом. Она сердилась на древний чайник, на фен, на недостаточно острую курицу и на Сэтоши, который вновь отказался идти на свидание. Они встречались уже два года, то съезжаясь, то разъезжаясь. Но так как работали в одной фирме, а, значит, проводили весь день вместе, то Сэтоши искренне не понимал, зачем идти куда-то еще.

Басёк отшвырнул книгу и со стоном упал на диван:

– Меня раздражает не то, что я не знаю, а то, что я не могу это узнать, даже если сильно постараюсь. А ведь я был лучшим студентом на своем курсе. Мне пророчили большое будущее после окончания государственной академии. И вот я в халате и красных трусах сижу в дешевой конторке и не понимаю, как отыскать эту чертову прореху.

И все уставились на него, будто хотели убедиться, что трусы у него действительно были красными.

– Иди к черту, Бас! – с трудом произнес Сэтоши. У него на коленях стоял пластиковый контейнер с едой, который он еще не открывал. – Не ты ли ходил за мной две недели и умолял,

чтобы я взял тебя в команду? Милый Ямадзаки, я мечтаю научиться плести красивые кружева из дождя. Милый Ямадзаки, дело не в деньгах, я хочу стать крутым шаманом.

– Это правда, – засмущался Басёк и покрылся румянцем. – Уже и пококетничать нельзя!

Рэй откинул синие пряди со своего красивого лица и задумчиво произнес:

– Чтобы понять, как работает прореха, нужно стать прорехой. Итак! – Он подскочил и принялся руками рисовать в воздухе узоры. – Я возникла в пространстве и создала природную аномалию. Теперь меня нужно уничтожить, но ни один шаман не может меня отыскать. Почему?

Моти положил в рот кусочек тонкацу[4]:

– Потому что какой-то идиот наложил печать невидимости.

Дыры в пространстве, в большинстве случаев возникающие совершенно случайно и называющиеся прорехами, не были проблемой сами по себе. Даже шаман-первокурсник мог по щелчку пальцев закрыть их. Другое дело – отыскать эти самые прорехи. И промедление иногда стоило жизни. Токийцы не скоро забудут прошлогоднюю катастрофу, когда прямо посреди лета началась такая страшная снежная буря, что в результате ДТП погибло тридцать четыре человека.

На первый взгляд это не выглядело чем-то сложным. Найди прореху, закрой ее, и природная аномалия прекратится. Но если на прореху наложили печать невидимости, то нужно было тратить колоссальные усилия на контроль природной аномалии. То, что сейчас и происходило в квартале Асакуса.

– Но чтобы шаманы из управления не могли ее обнаружить? Это как? В голове не укладывается? – возмутился Басёк.

– Такое возможно для очень старых прорех. Хреново, что она проснулась. Так бы спала еще лет сто, и никому не было бы дела, – сказал Сэтоши.

– Вам не надоело? Две недели одно и то же. – Мизуки включила компьютер. – У нас две заявки на завтра. Реальная работа. Оставьте квартал Асакуса государственным шаманам. Впрочем, они тоже не знают, что делать. – Она встряхнула блондинистыми волосами. Осветлила их на прошлой неделе, желая произвести впечатление на Сэтоши. Но, когда он узнал, что Мизуки провела в салоне шесть часов, чтобы, как ему показалось, сжечь волосы, то осуждающе закатил глаза. – В районе Сумида рядом с историческим музеем открылась прореха. Вот уже третий день на рассвете появляется туман, как думает заказчик, ядовитый, – читала заявку Мизуки. – На коже ног пострадавших появляются язвы.

Сэтоши кивнул Басёку:

– Ты съездишь. Я в такую рань встать не смогу. Помнится, ты хотел попрактиковаться с туманом. Прежде чем закроешь прореху, возведи туманный замок. И сними на телефон. Я хочу посмотреть.

– Мне взять с собой Рэя?

– Нет, Бас! Ритуал закрытия прорехи проведешь сам. Если хочешь стать профи, должен уметь все. – Сэтоши зевнул. – Ребят, давайте по домам. Я реально устал.

– Сейчас только вторую заявку про… – заговорила Мизуки, но в дверь постучали.

Пупырка спрыгнула с подоконника и побрела к Басёку. В этом офисе гостей не любили и даже побаивались не только люди, но и кошка.

Партнеры привычно не реагировали, только поглядывали на Сэтоши, который наконец-то вспомнил про ужин и принялся вылавливать морепродукты из супа.

Стук продолжался. За дверью находился кто-то очень настойчивый. А офис тем временем затопило золотым светом – последний подарок ноябрьского солнца. Фигура Мизуки окуталась мерцающим сиянием, и Сэтоши рассматривал ее длинную шею, и острый подбородок,

[4] Обжаренная во фритюре свиная отбивная.

и высокую грудь, и тонкую талию, но с грустью осознавал, что больше не испытывал трепета, как раньше. Мизуки по-прежнему оставалась красивой, но это красота его больше не трогала.

– Откройте! Свои! – пискнул девичий голос, и Сэтоши рассмеялся:

– Моти, открой, раз свои!

В офис вошла девушка лет двадцати в совершенно нелепом наряде, как показалось Сэтоши на первый взгляд. Короткая полосатая юбка и безразмерное серое худи, словно с плеча крепкого мужчины. Ботинки на такой огромной подошве, что длинные ноги выглядели просто бесконечными. Крохотная сумочка через плечо. Волосы завязаны в высокий хвост, лицо чистое, без косметики. И насыщенный аромат вишневой жвачки.

Девушка внимательно оглядела партнеров и сосредоточилась на Сэтоши. Видимо, догадалась, что искала именно его, поэтому указала кончиком пальца, который едва виднелся из широкого рукава, на ужин в контейнере:

– Это мульхве[5]?

– Мульхве, – ответил Сэтоши, с любопытством рассматривая девушку.

– Почему ты ешь корейскую еду? – спросила она, и Моти с энтузиазмом включился в эту пока никому не известную игру:

– Он всегда ест только корейскую еду. У меня есть несколько теорий по этому поводу…

Мизуки перебила:

– Заткнись, Моти! Ты кто такая?

Но девушка сделала вид, что Мизуки не существовало на этой планете, и продолжила:

– Как я могу доверять человеку, который ест холодный суп из сырой рыбы, когда на улице дубак?

– Забавная, – почесал бровь Рэй.

– Тогда можешь развернуться и топать отсюда! – Сэтоши демонстративно зацепил палочками маленького осьминога и отправил его в рот.

Девушка не смутилась:

– А в жизни ты красивее, чем на видео. Губы действительно пухлые. И глаза-капельки, как у щеночка. Кожа хорошая.

Моти отворил дверь:

– Пора менять офис! Перед нами фанатка, которая смогла отыскать своего кумира. Сэмпай, дай ей автограф, а то ведь не выгоним!

Девушка возмутилась:

– Фу! Я не фанатка. Но с Ямадзаки встречалась бы.

Мизуки буркнула:

– Он встречается со мной.

– Госпожа Чибо из дома престарелых «Серебряный возраст» научила меня простой штуке: если дают – бери, если не дают – отбери.

Рэй захихикал. Мизуки фыркнула и пробормотала «идиотка». Сэтоши поднялся с дивана, чтобы выпроводить гостью из офиса, но она вдруг серьезно произнесла:

– Эй, подождите! Я по делу. Меня зовут Конэко.

– Киса[6]! – воскликнул Басёк и смачно расцеловал Пупыркины уши.

– С сегодняшнего дня я автографы не даю. – Сэтоши почувствовал подступающее раздражение, и это ему не нравилось. Он привык контролировать эмоции.

– Я знаю про ливни в квартале Асакуса. И знаю, что вы не можете отыскать прореху. Я здесь, чтобы помочь, – сказала Конэко.

---

[5] Холодный суп из морепродуктов, популярный в Корее.

[6] Конэко (*яп.*) – котенок.

Сэтоши усмехнулся. Они проштудировали десятки книг, поговорили с шаманами-пенсионерами, даже сходили в музей шаманской истории на всякий случай, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. А девчонка в неприлично короткой юбке в курсе всех событий. Звучит не очень правдоподобно.

– У меня есть бумажные печати, которые наложили для невидимости прорехи, – скороговоркой выпалила Конэко. – И для сведения: прорехе в квартале Асакуса уже пятьдесят лет. Но за бесплатно я эти печати не отдам.

– Чертов котенок! – внезапно вырвалось у Сэтоши, и он готов был от восторга задушить Конэко в объятиях.

Глава вторая, в которой Конэко Окадо узнает тайну прорехи в квартале Асакуса

День назад

Конэко была еще той драчуньей. Так повелось, что ее всегда обижали: в детском саду, в школе, теперь вот в академии. Но она никогда не принимала издевательства как должное. Кусала обидчиков, ругалась, дралась, одним словом, защищалась всеми возможными способами. Однажды бабушка ей сказала: «Выцарапай глазами каждому, кто усомнится в твоей силе». Конэко восприняла это наставление буквально.

Здание государственной академии по подготовке шаманов было полно длинных мрачных коридоров, вздыхающих темнотой и пылью. Этот замок построил двести лет назад токийский богач для своей возлюбленной, которая тяготела к готической архитектуре. Но недолго красавица любовалась высокими башнями и стрельчатыми арками. Спустя два года совместной жизни она покончила с собой в собственном будуаре. Теперь там находится кабинет декана. Несметные богатства не принесли счастья девушке.

Конэко этого не понимала. Она была уверена, что деньги сделали бы ее счастливой. Вечная гонка за каждой йеной, на самом деле, утомляла. Она могла учиться значительно лучше, но вынуждена была подрабатывать по вечерам в доме престарелых, а еще заниматься контрабандой. Дома, в крохотной двухкомнатной квартирке, ждала мать, которая потеряла свою память, как утверждали врачи, на девяносто процентов. И эти десять процентов были единственным светлым пятном в жизни Конэко.

* * *

Конэко пряталась за колонной и закрывала рот обеими руками, чтобы не выдать себя шумным отрывистым дыханием. В коридоре было пусто – лекция началась пять минут назад. Крюк гнался за ней от самой столовой, но Конэко удалось сбежать. Но он, небось, сейчас высматривает из-за угла, не торопится и намеренно треплет ей нервы.

Мерзавец!

Парня звали Чиитиро, но из-за высокого роста и сутулости к нему со временем приклеилось прозвище Крюк.

Узкие окна по всей длине коридора давали мало света, еще и день выдался пасмурным. Конэко ненавидела мрак и холод, ненавидела эту академию, где студенты из богатых семей ставили себя на несколько ступеней выше. Здесь не имели значения характер или талант. Выживал сильнейший, читай, у кого были деньги. И Конэко могла поклясться: причиной тому, что академия стала самым гадким местом на земле, была покончившая с собой красавица, жена токийского богача.

Конэко оказалась в ловушке. Она не могла двинуться назад по коридору, где вероятнее всего встретилась бы с Крюком. Но и бежать вперед тоже было плохой идеей. Хотя этот вариант выглядел более привлекательным. Два лестничных пролета, пятьдесят метров налево – и аудитория. Госпожа Юна будет ругать за опоздание, но рядом с ней, по крайней мере, Конэко отыщет безопасное место.

Конэко понеслась вперед. Звуки ее шагов катились по полу, скакали по стенам и вызывали вибрацию стекол. Сердце испуганным воробышком трепыхалось в грудной клетке. Еще немного, а после лекции она сольется с толпой и незаметно выберется на улицу.

Давай! Ну давай! Вон уже и дверь на лестницу! Ах черт! – Конэко упала прямо в объятия Крюка, когда он внезапно вышел из-за колонны. Он потащил ее в нишу и прижал лицом к стене, выкрутив руки за спиной:

– Где мои деньги, малыш?

– Малыш у тебя в брюках, придурок! – рявкнула Конэко и сразу же застонала, когда тонкие запястья обожгло резкой болью. – Эй, Чиитиро, силу рассчитывай! Я все-таки девушка.

Крюк схватил ее за плечи, развернул к себе лицом и внимательно оглядел с ног до головы, словно хотел убедиться в правдивости последней фразы. Затем ступил назад и вытащил нож:

– Не рыпайся! Верни мне деньги, и мы разойдемся.

Конэко вдруг подумала, как нелепо сидит на Крюке студенческая форма. Клетчатый жакет коротковат, а брюки, наоборот, тащатся по земле. Ботинки, видно, брендовые, но какие-то обшарпанные и пыльные. А ведь его папаша – владелец фирмы по производству лапши быстрого приготовления. Мог бы и на портного потратиться.

– Слушай, Чиитиро! Я принесла тебе товар, ты мне заплатил. Чего еще хочешь? Убери нож! Не шути так. Это опасно.

Парень с ядовитой ухмылкой положил ладонь на шею Конэко и приблизил нож к ее подбородку. И вот тут она действительно испугалась, но не тонкого лезвия, хотя перспектива быть изрезанной не выглядела радужной, а того, что рука Крюка соскользнет на грудь, где под хлопчатобумажной тканью блузки скрывался тугой рулончик документов, которые Конэко выкрала десять минут назад из кабинета ректора. Уже вовсю попахивало исключением из академии.

– Да откуда у нее деньги? – прозвучал чей-то голос.

Конэко даже не заметила, что Крюк взял с собой на охоту подружку, тощую Маримо[7]. Происхождение этого прозвища, кажется, не знал ни один студент.

– Неужели я слышу в твоем голосе жалость, Мар? – спросил парень.

– Чего это? Просто все знают, что ее мать сумасшедшая и живет на пособие, – объяснила Маримо.

Крюк вспыхнул:

– При чем тут пособие? Девчонка меня обманула. Принесла порошка меньше, чем обычно, а денег я заплатил, как за обычную порцию. Пусть вернет разницу. Никому не нравится, когда его держат за идиота.

Его ладонь скользнула еще ниже, большой палец уже поглаживал ключицу. Конэко запаниковала:

– Подожди! Дай объяснить. Только убери нож.

Крюк отступил и принялся пожирать Конэко глазами. Ей было плевать, пусть хоть раздевает мысленно, только бы не обнаружил документы. Она задумалась. А что объяснять? Конэко действительно обманула парня. Надеялась, что он не заметит. Да и в этот раз так трудно было добыть порошок из неоновой хиганбаны. Он повышает выносливость и позволяет не спать по несколько суток. Просто находка во время сессии и, конечно, запрещен во всех учебных учреждениях.

– Слушай, Чиитиро! Я так рискую, принося тебе этот чертов порошок. А ты меня преследуешь из-за тысячи йен.

Крюк аж подпрыгнул:

– Тысячи йен? Да ты… Ах ты сучка!

И пока Крюк не пырнул Конэко ножом, она выставила руки вперед в защитном жесте и залепетала:

– Хорошо-хорошо. У меня сейчас нет денег. Но я достану порошок. Ладно? Дай мне неделю, а лучше две. Я обещаю.

---

[7] Шаровидные колонии нитчатых водорослей.

Крюк скривил физиономию:

– Две недели. А потом… Поверь, тебе не понравится, что будет потом. И отсрочка только из-за твоей мамаши. Поняла? Я ведь не злой человек, но не люблю, когда врут. Моя бабка того… тоже умерла от рака. Это типа страшно.

Конэко решила не уточнять, что ее мать больна ментально, а не физически. Жалость потом можно использовать в корыстных целях. Она вынырнула из-за колонны и, не оглядываясь, понеслась к лестнице, пока Крюк не передумал, а дальше – в женский туалет на первом этаже. Госпожа Юна сегодня не досчитается одной студентки.

Конэко закрыла кабинку и уселась на крышку унитаза. Положила рюкзак на колени и вытащила из бюстгальтера документы. На самом деле пробраться в кабинет ректора она пыталась почти месяц. Дело это оказалось непростым, ведь одновременно должны были выйти наружу и сам ректор, и его секретарь. Конэко шпионила, изучала расписание, подслушивала и, наконец, удача ей улыбнулась. Хотя вряд ли это была она. Скорее кропотливый труд, потому что еще ранее девушка успела исследовать кабинеты декана и ответственного секретаря. Она искала архив. И нашла. Папка с личной информацией студентов, выпустившихся из академии девятнадцать лет назад, находилась в изящном дубовом шкафу ректора. Конэко вытащила лишь двенадцать пожелтевших листов с квадратными фотографиями в уголках. Номер нужной студенческой группы она узнала еще в прошлом году, случайно отыскав дома выцветшую фотографию мамы и ее одногруппников. На задней стороне снимка было выведено рукой – группа 5-38.

Кто-то вошел в туалет и направился к раковине. Включил воду. Потоптался. Поворчал. Конэко замерла от волнения и на всякий случай проверила, заперта ли дверца кабинки. Когда же вновь воцарилась тишина, она ладонью выровняла листы. Это были сведения о студентах: имена, даты рождения, адреса, короткая справка про школьные достижения. Конэко сразу отложила в сторону дела пятерых девушек, на мгновение задержавшись на мамином изображении. Такая юная и милая. Остальные листы Конэко разложила веером и обратилась с вопросом к фотографиям юношей: «Так! И кто из вас мой папа?»

* * *

Конэко вошла в просторный холл дома престарелых «Серебряный возраст» и поклонилась администратору, молодому мужчине в голубом халате, стилизованном под кимоно. И врачи, и психологи, и социальные работники, да и весь обслуживающий персонал избегали белых халатов и какой-либо униформы, создавая для стариков домашнюю и уютную атмосферу.

– А, Конэко! – улыбнулся администратор. – Одна из вечерних сиделок заболела. Я распределил ее комнаты. Для тебя – номер 30.

Конэко поначалу расстроилась, потому что, уходя в академию, обещала маме вернуться домой пораньше, но вспомнила, как та равнодушно кивнула в ответ и внезапно попросила купить детское питание и подгузники.

Она отправилась по узкому коридору в гардероб для персонала и переоделась в нежно-розовую блузку с вышитыми цветами сакуры и белые шаровары, а затем отправилась к своим подопечным. С госпожой Чибо Конэко ~~Кэноко~~ около часа гуляла по яблоневому саду. Под диктовку господина Сабуро написала девять писем его друзьям, которые жили в разных уголках планеты. Госпоже Итико помогла принять ванну, а затем накрасила ей ногти бордовым лаком. И со всеми Конэко с удовольствием болтала и шутила, так что к концу смены у нее обычно болели от смеха щеки.

Комната номер тридцать выглядела пустой и неуютной. Специальный шкаф со встроенным будильником, чтобы напоминать о приеме лекарств, система очищения и увлажнения воздуха, в ванной – специальный водопроводный кран, который не допускал утечек. Но не было милых для сердца стариков деталей: рамок с фотографиями, керамических скульптурок котов и тануки[8], книг и растений в крохотных горшочках. Конэко сразу догадалась: хозяйка комнаты, которая сидела в кресле и пялилась в экран телевизора, только недавно оказалась в доме престарелых и еще не прошла период адаптации, поэтому желание украшать пространство вокруг себя пока не наступило. Нужно было время, чтобы смириться и привыкнуть к новой реальности.

– Добрый вечер, госпожа Бо! – Конэко вошла в комнату и остановилась на приличном расстоянии от старушки, но в поле ее зрения. Это было одно из правил «Серебряного возраста»: не входить в личное пространство, пока подопечный сам не позволит. – Если вы хорошо себя чувствуете, то мы могли бы устроить экскурсию по зданию. Расположение достаточно удобное, но бассейн находится…

Госпожа Бо перебила Конэко:

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

Старушка наклонилась вперед, чтобы получше рассмотреть девушку:

– О, правда? А мне шестьдесят девять. Но чувствую себя на девяносто шесть.

Она действительно выглядела уставшей: темные круги под глазами, морщины глубокие, точно прорисованные маркером, и коричневая восковая кожа, подобная пергаментной бумаге. Впечатление усугублял желтоватый верхний свет.

– Что говорят по телевизору? – спросила Конэко, пытаясь отыскать тропинку к подопечной: обычно старики с энтузиазмом обсуждали новости или шоу с участием популярных артистов.

Госпожа Бо отмахнулась:

– Политика или погода.

– Опять про ливни в квартале Асакуса? В академии только это и обсуждают, – сказала Конэко.

– В какой академии? – Старушка опять высунулась из-за высокой спинки кресла.

– В государственной академии по подготовке шаманов.

– Неужели? Иди сядь рядом! – госпожа Бо указала на вельветовый пуф. – Так, значит, ты будущая шаманка? А я уже десять лет как на пенсии. Служила шаманкой, пока силы позволяли. А теперь я умираю. Да. Осталось совсем мало. Я сама пришла сюда. Благо были сбережения. Чувствую, что через недели две меня переведут в корпус для лежачих. Сначала, конечно, всучат эти чертовы ходуны.

Конэко не стала утешать старушку. Это тоже было одним из правил «Серебряного возраста»: не внушать ложных надежд, но дать понять, что внимательный персонал будет рядом до последнего вздоха.

– Я помогу вам освоить ходуны, – улыбнулась Конэко. – О! Я вспомнила господина Сабуро. Если вы будете в библиотеке, то обязательно там его встретите. Он – книгоман. Так вот он вывихнул стопу и какое-то время пользовался ходунами. Привязывал к ним радиоприемник на батарейках и нарезал круги по корпусам. И врачи выходили из кабинетов, чтобы поприветствовать его и послушать хорошую музыку.

– Ты милая. Но знаешь… – Госпожа Бо вдруг нахмурилась и уставилась в экран. Конэко отыскала пульт и увеличила звук.

---

[8] Енотовидная собака в японском фольклоре.

Это был репортаж про буддийский храм Сэнсодзи, территория которого утопала в воде, про немногочисленных посетителей, которые из-за плащей и зонтов не могли насладиться величественной красотой, и про торговцев улицы Накамисэ, которые потерпели крах своего бизнеса из-за отсутствия туристов.

– Выключи, – устало попросила госпожа Бо и потом минут пять мучительно о чем-то размышляла. – Значит, ты шаманка, милая. Верно? Удивительный дар. Я до сих пор чувствую себя особенной, хотя уже сил нет и снеговика из тумана слепить. Но мне хотелось бы еще раз… Знаешь… Почувствовать, как энергия через руки выходит из моего тела. Это ведь такая власть. Я не боялась старости. Никогда. Но мне было страшно лишиться своего дара. Это так скверно, милая. Старость – отвратительная штука.

Конэко осмотрела комнату. Заговорщицки улыбнулась госпоже Бо и направилась к кровати. Схватила с тумбочки хрустальный кувшин и вылила немного воды на паркет.

– Зачем же ты это сделала? – ахнула старушка.

Конэко опустилась на колени перед креслом и аккуратно уместила сухие старушечьи ладошки в свои. Золотое кольцо с крупным рубином так и норовило соскользнуть с изуродованного артритом среднего пальца. Конэко сконцентрировала все внимание на луже, хотя и не видела ее, и с любопытством вглядывалась в глаза госпожи Бо, которые расширялись и зажигались счастьем. Она ощутила тепло, охватившее все тело и постепенно формирующееся в поток, ищущий выход наружу. По коже привычно пробежались колючие мурашки. Конэко увидела слезы на лице старушки и догадалась, что та наблюдает за серебристой трехмерной фигурой, которая трансформировалась из лужи и теперь плавала в воздухе. Конэко планировала эллипсоид, но в зрачках госпожи Бо отразилось что-то несуразное.

– Почему бы нам не устроить дождик? – хихикнула Конэко.

– Все что угодно, только разреши мне подольше ощущать это тепло, милая, – прошептала госпожа Бо и подняла голову к потолку, где миллионы крохотных капелек собирались в тончайшую паутину.

Конэко медленно двигала пальцами и то растягивала сеть, то сжимала ее. Старушка тоже включилась в игру, и уже вместе они рисовали узоры из полупрозрачных струек.

Спустя минут пятнадцать Конэко почувствовала, что ее подопечная устала, поэтому резко сжала кулаки. Небольшой дождик пролился на них и слегка намочил одежду.

Госпожа Бо откинулась на спинку кресла:

– Ты смягчила мое сердце и подарила мне немного радости. Спасибо тебе, милая.

– Пожалуйста. Когда у меня будет следующая смена, я стащу с кухни ведерко со льдом. Никто в академии не делает лучше меня ледяные звезды. Кроме преподавателей, конечно.

– Хорошо-хорошо. Я буду ждать. А пока… Я уверена, что ты послана мне богами, чтобы очистить душу от груза. Разве это не чудо, что ты сама пришла ко мне?! – воскликнула госпожа Бо.

Конэко внутренне подготовилась. Это была часть ее работы. Старики любили путешествовать в прошлое. Она вновь присела на пуф и кивнула:

– Да, госпожа! В нашей жизни много чудес!

– Я узнала, что являюсь дзю-он[9] в одиннадцать лет. Играла на улице с подругами, и мы повздорили. Вернулась домой и от злости принялась крушить все вокруг себя. Злилась, кричала и случайно создала прореху прямо в гостиной. Я была начитанной девочкой, знала про свой дар шаманки и понимала, какое будущее меня ждет. Но и представить не могла, что я – дзю-он. Даже сейчас немногие шаманы делают публичное признание, а тогда это считалось крайне постыдным. Я наложила простейшую печать невидимости на прореху. Уже умела это делать. А потом на протяжении нескольких дней изучала книги, чтобы освоить ритуал закры-

[9] Проклятие (*яп.*).

тия прорех. Мои родители даже не догадались об этом. А потом были долгие годы осознания. Я приняла твердое решение скрывать свою особенность до конца жизни. И удивительно, мне это удалось.

– Мне всегда казалось это таким странным. Шаманы закрывают прорехи в пространстве, которые возникают случайным образом, а шаманы дзю-он делают все возможное, чтобы прорехи эти не создавать.

– Да, милая, мы тратим на это так много времени и сил. Самое настоящее проклятие, – продолжила госпожа Бо. – Но одну прореху я так и не смогла закрыть. Полагала, что она уснула навсегда, но вот недавно подала признаки жизни.

И тут в голове Конэко что-то щелкнуло. Она догадалась:

– Так это вы создали прореху в квартале Асакуса!

Госпожа Бо тяжело выдохнула:

– Это случилось около пятидесяти лет назад. Я была студенткой. Один парень… Я в него сильно влюбилась. Просто одержимость какая-то. И однажды поздно вечером мы гуляли и зашли на территорию храма Сэнсодзи. Посетителей уже не было. Мы начали спорить о чем-то. И этот парень разозлился и сказал, что бросает меня. И ушел. Я хотела умереть прямо на том месте. Случился мой личный конец света, и внутренний дзю-он вырвался наружу. Я создала прореху. Это привело меня в чувство. Попыталась тут же закрыть ее, но не получилось. Сказались волнение, неопытность и страх, что меня обнаружат. Тогда я наложила печать невидимости и вернулась следующей ночью. И таким образом ходила целую неделю, но закрыть так и не получилось. Мое внутреннее состояние ухудшалось. Еще и страдала из-за того, что парень меня бросил. Все в кучу.

– Почему вы не обратились за помощью? – спросила Конэко.

Госпожа Бо пожала плечами:

– Я не могла. Началась мания преследования. Казалось, что скоро меня разоблачат, и весь мир узнает про мое проклятие. Я была не в себе, поэтому наложила сразу несколько печатей невидимости и просто наблюдала со стороны. Но проходили месяцы, годы, десятилетия. Откровенно говоря, я даже забыла про этот случай. Закончила академию и поступила на службу. Вышла замуж, правда, детей не родила. Мой муж умер пять лет назад. А я вот ослабла настолько, что сама поступила сюда. И несколько дней назад по новостям я впервые услышала про аномальные ливни и поняла, что прореха проснулась.

– Такие истории я только в книгах читала. – Конэко ошарашенно покачала головой. – Теперь шаманы не могут найти прореху, потому что вы наложили много печатей, одна за другой.

– Верно, милая!

– Так где же находится прореха?

– Рядом с воротами Ходзомон, которые непосредственно ведут к храму Сэнсодзи. Но теперь все будет хорошо. Ты здесь! – воскликнула старушка и указала на комод: – Верхняя полка. Возьми шкатулку и открой ее!

Конэко откинула крышку и увидела несколько коричневых, истлевших по краям клочков бумаги с нечитаемыми надписями. Чернила совсем поблекли.

– Это те самые печати? – изумилась Конэко. – Вы хранили их все эти пятьдесят лет?

– Да, так и есть. Возьми их и отнеси в главное управление в районе Синдзюку. Пусть закроют прореху. Только не упоминай мое имя. Дай умереть спокойно. Не хочу, чтобы мое имя полоскали в новостях. Пусть в памяти коллег я останусь ответственной и талантливой шаманкой.

– Госпожа, как же я объясню, откуда у меня эти печати?

Старушка вцепилась в запястье Конэко и горячо зашептала:

– Придумай историю, что нашла печати случайно. Обещай. Обещай мне, милая. Сними этот груз с души. Я вижу, что ты хороший человек, а такие хорошие люди не могут не выполнить последнюю волю умирающей.

Конэко понимала, что ее чувствами манипулировали, но госпожу Бо уже так трясло от волнения, что она могла скончаться прямо в этом кресле.

– Ладно. Только, пожалуйста, успокойтесь. – Она подошла к шкафчику и изучила предписания. Кроме прочих лекарств госпоже Бо было назначено снотворное. – Через десять минут зазвонит будильник-напоминание. Так что давайте я отведу вас в уборную и помогу лечь в кровать. Вы сильно переволновались этим вечером.

А потом звучали многочисленные «обещай». Синяки не скоро сойдут с рук Конэко, так сильно госпожа Бо цеплялась за нее.

Она покинула «Серебряный возраст» с приходом ночной сиделки. На часах было половина десятого. Конэко выключила верхний свет в комнате. На тумбочке оставила ночник и стакан воды. Шкатулку с печатями забрала с собой.

Оказавшись на улице, Конэко мгновенно нарушила обещание. Она написала в личку блогеру Харуки Ватанабэ и коротко описала историю, из которой в будущем мог получиться потрясающий репортаж. Единственное требование – видео должно быть опубликовано после смерти главного персонажа старушки Бо. Взамен Конэко просила адрес офиса Сэтоши Ямадзаки, этого пухлогубого кумира восторженных девчонок. Конечно, она не собиралась идти в управление. Сочинять сказку перед этими высокомерными чиновниками в дорогих костюмах? Ну уж нет! Тем более, они просто заберут печати, а вот Ямадзаки скорее всего заплатит. По крайней мере, Конэко на это рассчитывала. В конце концов, ей нужны были деньги. Она не могла надеяться только на мамино пособие.

Глава третья, в которой Мизуки Або сгорает от раздражения к девушке с запахом вишневой жвачки

♫ Matt Maltese «As the World Caves In»

Блеск в глазах Сэтоши, вернее, его отсутствие, – вот причина, по которой Мизуки плохо спала по ночам. Ее старшая сестра, вооруженная житейской мудростью, цинично заявила: «Хоть гнездо на голове возведи. Но, если ты мужчине не нравишься, он его даже не заметит». Мизуки это понимала и все же пыталась расшевелить Сэтоши. Напрасно. Хмурый и вечно задумчивый, он слонялся в темноте по их квартире в пятнадцати минутах ходьбы от парка Огунохара и мучительно о чем-то размышлял. Денег и раньше не хватало, но Сэтоши с лихвой возмещал это своим оптимизмом и талантом. Партнеры готовы были три раза в день есть только лапшу из круглосуточного магазина, лишь бы иметь возможность наблюдать за руками своего сэмпая, когда он управлял природными явлениями. Заказов было совсем немного, но никто из них даже не помышлял уйти на государственную службу. Молодость и присущие ей энергия и любознательность всегда побеждали невзгоды.

Все изменилось год назад после той загадочной ссоры между Сэтоши и Харуки. Лучшие друзья утром уже вечером превратились в заклятых врагов. Харуки какого-то черта подался в блогеры и начал преследовать Сэтоши и снимать разоблачительные видео про фирму «Ямадзаки и партнеры». Хотя что там было разоблачать? Неудачи – естественная часть работы любого шамана. Образ талантливого юноши с бамбуковой палочкой завирусился в интернете, посыпались заказы, но одновременно с этим налоговая служба заинтересовалась частной фирмой. У Сэтоши не было оправдания. Он едва сводил концы с концами, оплачивая аренду офиса и квартиры. Ну и партнеры должны были получать зарплату, а взять новых сотрудников для выполнения бóльшего количества заказов Сэтоши просто не мог. Так что несмотря на популярность, он вынужден был уйти в тень.

Никто так и не узнал о причине разногласия. Даже Мизуки. Моти озвучил несколько теорий по этому поводу, но, так как он был помешан на заговорах, то веры ему не было. А Сэтоши упрямо молчал.

Мизуки часто злилась и раздражалась, но ничего не могла поделать со своей любовью к Сэтоши. Она обожала его карие глаза, в которых в моменты задумчивости переливался холод серебра. И пухлые губы, мягкие и привлекательные. И густые волосы – струящийся черный шелк, отдающий синевой.

Она любила обнимать Сэтоши со спины, прижиматься к затылку и чувствовать, как поднимается его грудная клетка. Он был таким беззащитным в ее объятиях, даже не шевелился, боясь спугнуть мгновение близости. Конечно, Сэтоши любил Мизуки, но уже не как девушку. Друг, товарищ, соратник, партнер – вот кем она была для него.

* * *

И вдруг Мизуки увидела блеск в глазах Сэтоши. Они, глядя на эту чертову девчонку в короткой юбке, полыхали ярким пламенем. И дело ведь не только в печатях?

– Почему вы ее слушаете? – возмутилась Мизуки и направилась к Сэтоши. Она хотела взять его за ладонь, так сказать, обозначить территорию, но он до сих пор держал пластиковый контейнер с мульхве. – Откуда у нее печати? Ей же лет тринадцать.

Конэко фыркнула:

– Возраст мужчины – его дух, а женщины – лицо. Господин Сабуро из «Серебряного возраста» сказал, что мое лицо с детской припухлостью – настоящее сокровище. Полагаете, нужно извинятся за свою внешность? А вообще мне девятнадцать, и я студентка.

И Конэко так деловито сложила руки на груди, что Мизуки едва сдержалась, чтобы ей не врезать. А вот Басёк заливался смехом. Эта ситуация его почему-то веселила.

– Откуда у тебя печати? – спросил Сэтоши.

– Госпожа Бо из «Серебряного…

– Ты чокнутая? Сколько можно говорить про эту богадельню? – Мизуки взорвалась. Девчонка начала бесить ее буквальной с первой секунды, как появилась в офисе.

Сэтоши оглянулся, ища куда поставить контейнер, а потом просто опустил его на пол и сказал:

– Тихо! Сядьте все! И ты, Конэко, тоже! Вот сюда. А теперь расскажи все по порядку.

И она рассказала про дом престарелых и про дзю-он госпожу Бо. Как она чувствовала приближение смерти, но не хотела держать груз вины за душой. Как Конэко должна была обратиться в государственную службу, но решила продать печати частникам.

Моти хмыкнул:

– И как же ты отыскала офис? Информация про нашу фирму распространяется word-of-mouth[10]. Есть, конечно, сайт, но туда, чтобы оставить заявку, без специального доступа не войти.

Партнеры с подозрением уставились на Конэко. А она, непоседа, едва могла усидеть на месте. Юбка и вовсе спряталась под худи, так что Мизуки все порывалась бросить ей плед на колени. Но, кажется, парням вид на длинные ноги был по душе. Вон как Басёк изогнулся на диване! Еще и эта предательница Пупырка заинтересовалась гостьей. Начала ее обнюхивать и обходить по кругу.

– Ну… я написала сообщение Харуки Ватанабэ, – сказала Конэко и подхватила кошку на руки.

И партнеры одновременно загомонили:

– Какого черта?

– Он опять выследил адрес офиса!

– Самый настоящий сталкер!

– Я придушу его собственными руками!

– А как я еще могла найти тебя, Ямадзаки? – задала резонный вопрос Конэко. – У тебя же нет социальных сетей. Господин Сабуро из… А, ладно!

– Сэтоши, разве ты не видишь, что ей нельзя доверять? Она – подружка Ватанабэ! – крикнула Мизуки.

– Подружка? Я его вживую никогда не видела! – возмутилась Конэко и прижала Пупырку к груди.

Ткань худи сразу же покрылась светлой шерстью.

– Оставь в покое нашу кошку! – сердилась Мизуки, но Пупырке, видимо, нравилось нежиться в объятиях гостьи.

– Где же печати? – спросил Рэй, потягиваясь и зевая. Он все это время со спокойной улыбкой наблюдал за происходящим.

– Дома, – ответила Конэко и наклонилась вперед, разглядывая Рэя. – Ты снимаешься в дорамах? Внешность потрясающая.

– И сколько ты хочешь получить за них? – спросил Сэтоши.

Мизуки казалось, что она находилась в театре, и все эти люди просто играли свои роли, потому что как можно было доверять смазливой девчонке, которая носила такую короткую

[10] Аналог «сарафанного радио» в английском языке.

юбку и сочиняла про работу в доме престарелых? Кто ее туда бы взял? Мизуки резко поднялась и направилась к чайнику. Просто не хотела смотреть на продолжение этого дешевого спектакля.

– Двести тысяч йен! – заявила Конэко.

– Сколько?! – удивился Моти. – Офигеть!

– Пять печатей, каждой из которых по пятьдесят лет, – невозмутимо парировала Конэко.

Сэтоши, привлекая внимание, похлопал в ладоши:

– Успокойтесь все! Слушай, Конэко, прямо сейчас не могу заплатить, но я поговорю с родственником, служителем храма. Если дело выгорит и мы закроем прореху, то уверен, что тебе заплатят все до последней йены. Все устали от непогоды. Завтра в полночь встречаемся в… А где мы встречаемся?

– Возле ворот Ходзомон. Но ты платишь за такси, Ямадзаки. Я не могу так поздно шататься по Токио, – предупредила Конэко.

– Ладно. До завтра. Не забудь печати, – согласился Сэтоши, и Мизуки могла поклясться, что его голос обернулся смешинками. Как сухой горошек по асфальту. Приятный звук, на самом деле.

Мизуки заваривала чай, когда хлопнула входная дверь. А в офисе еще долго пахло вишневой жвачкой.

* * *

Мизуки просеяла муку, тщательно перемешала ее с двумя ложками кунжутного масла и просеяла еще раз. Добавила медовый соус и замесила тесто, которое раскатала и порезала на квадратики. Теперь осталось пожарить печенье в масле, но перед этим следовало проткнуть его зубочисткой. Мизуки посмотрела на настенные часы – 20:30. Басёк приедет через час. Пока они будут в квартале Асакуса, печеньки как раз пропитаются медовым сиропом, приготовленным заранее. Девчонка с кошачьим именем, конечно, придумала историю про печати (обычная фанатка), так что разочарованного Сэтоши по возвращению домой порадует корейский десерт якква, насыщенный ароматами имбиря и корицы.

Еще пару лет назад Мизуки совершенно не умела готовить, но ради Сэтоши научилась. Не все ж ему из доставки питаться.

– Хорошо пахнет! – похвалил Сэтоши. Он сидел на диване в совмещенной с кухней гостиной и читал какую-то книгу. На нем были лишь спортивные брюки. Влажные после душа волосы Сэтоши ладонью зачесывал назад. – Очевидно, что в прорехе образовалась карманная вселенная.

Мизуки обернулась и задумчиво произнесла:

– Мы никогда не имели дела с такой старой прорехой. Там, вероятно, целая страна выросла.

По тени, которая пробежала по скуластому лицу Сэтоши, Мизуки догадалась, что он сильно тревожился, тем более что покосился на свою загадочную шкатулку, которую ни в коем случае нельзя было трогать.

– Не обязательно, хотя это часто происходит с прорехами, созданными дзю-он. Надеюсь, что там пусто, иначе мы застрянем надолго, – обреченно выдохнул Сэтоши и указал на книгу: – Здесь написано, что с таким типом прорех хорошим решением будет использовать танцевальный ритуал.

Мизуки захихикала и вытащила первую порцию печенек из кипящего масла:

– Рэй обрадуется. Дайте уже ребенку потанцевать! Он мне писал сегодня в личку и жаловался на тебя. Хотел отправиться с Басёком к историческому музею. Танец рядом с туманным замком выглядел бы эффектно.

– Бас прислал мне видео. Иди посмотри! – Сэтоши вытащил телефон из кармана.

Мизуки уселась рядом и уставилась на экран. Раннее утро. Красное вспотевшее лицо Басёка и где-то в отдалении крохотное облачко тумана.

Мизуки засмеялась:

– Да он просто хотел тебя побесить! И почему он потный?

– Бегает по утрам. Хочет похудеть и податься в артисты. Я заметил у него визитку агентства по поиску талантов *Stardust Promotion*.

Мизуки толкнула Сэтоши в плечо:

– Иди ты! Так я тебе и поверила!

– А через час после видео Бас прислал мне это фото.

Мизуки ахнула от восхищения. Туманный замок с колоннами и башенками, весь пронизанный оранжевыми лучами рассветного солнца и объятый золотой сияющей пылью.

– Боже, это прекрасно!

Сэтоши пожал плечами:

– Немного топорно. Не хватает изящества. Но для начала сойдет. Не забывай, что туман был ядовитым. Но Бас справился с аномалией. Все в порядке. О! Сообщение от него. Будет через двадцать минут.

Мизуки побежала к плите, крича на ходу:

– Мне осталось только полить печенье сиропом!

* * *

Партнеры стояли рядом с исполинскими двухэтажными воротами Ходзо-мон, ведущими во внутреннюю часть храма Сэнсодзи. Сэтоши нервно поглядывал на наручные часы. Полночь наступила двадцать минут назад. Мизуки внутренне ликовала: она же говорила, что девчонка – обычная любопытная фанатка. Откуда у нее могли быть печати? С другой стороны, ей было жаль друзей, которым опять пришлось мокнуть под ноябрьским дождем. Хотя бы на этот раз все обули резиновые сапоги и укрылись плащами.

Цзюэ тоже был тут. Стоял немного в отдалении под широким зонтом и пялился на гигантские соломенные лапти-варадзи, что украшали ворота с двух сторон. По преданию, именно таков был размер стопы Будды.

По территории храма можно было гулять круглосуточно, и некоторые туристы специально приходили в позднее время, потому что подсветка зданий создавала таинственную и будоражащую атмосферу. Но наслаждаться прогулкой под холодным ливнем было не самым приятным приключением. Так что этой ночью никто не поглядывал на компанию взволнованных молодых людей и умиротворенного монаха, который наверняка не тратил время зря и молился.

– Сейчас бы тэмпуру[11] поесть и посмотреть *Netflix*, а не это вот все, – мечтательно произнес Моти, присел на корточки и обнял себя за колени. – Ребят, она не придет.

– Чертов котенок! – рявкнул Сэтоши.

Рэй зашикал:

– Не ругайся рядом с храмом.

– Простите. – Сэтоши покосился на Цзюэ, но тот даже не шелохнулся. – И почему она не поднимает трубку, эта Конэко? Может, что случилось?

Мизуки фыркнула:

– Ничего не случилось. Она просто…

– Я ЗДЕ-Э-ЭСЬ!

[11] Рыба, морепродукты или овощи, приготовленные в кляре и обжаренные во фритюре.

В начале торговой улочки Накамисэ появилась бегущая Конэко, и Мизуки невольно улыбнулась, так забавно и очаровательно она выглядела по мере приближения. Вновь эта короткая юбка и массивные сапоги, которые совершенно не сочетались с укороченным розовым пуховиком и зонтиком с изображением *Hello Kitty*. Длинные волосы разлетались во все стороны, а на лице читался самый настоящий испуг. Мизуки догадалась: Конэко боялась, что ее не дождались.

– Это все такси! Я опоздала? Еще и телефон забыла дома! – Она чуть не опрокинула Моти, когда тормозила, и вновь запахло вишневой жвачкой.

Цзюэ наконец отвлекся от созерцания лаптей и подошел к Конэко:

– Не цепляйся за время. Это всего лишь расстояние между желанием и удовлетворением желания.

– Ладно. – Конэко ошарашенно кивнула и посмотрела на Сэтоши, словно ответы на все вопросы были только у него.

Мизуки на мгновение даже посочувствовала девчонке. Такой маленькой и потерянной она выглядела. Ее бы в полотенце завернуть да раменом накормить. Но потом вспомнила, что Конэко вообще-то тут не из благотворительных побуждений.

– Давайте пошаманим! – скомандовал Сэтоши и с некой осторожностью обратился к Конэко: – Позволишь мне взглянуть на печати?

Она ответила не сразу. Неужели сомневалась? Но в конце концов полезла в карман пуховика. Оттуда вывались наушники, одновременно с этим зонтик упал на землю, ветер подхватил конфетный фантик. Рэй бросился на помощь:

– Я поддержу зонт!

Мизуки где-то читала, что по содержимому карманов можно многое сказать про характер человека. У Конэко там была бездонная яма: пузырек с таблетками, шелковый платок, крем для рук, баночка детской присыпки (интересно, зачем?), маска для лица и упаковка вишневой жвачки. Не сразу, но она все же отыскала металлический контейнер от мятных леденцов и протянула его Сэтоши. Внутри и правда оказалось пять клочков бумаги с поблекшими чернилами.

– Неужели мы отыщем прореху? – прошептал Басёк, с нежной улыбкой глядя на печати.

Сэтоши вынул из бумажника несколько денежных купюр:

– Спасибо, Конэко ~~Кэноко~~. Теперь уходи! Вот это на такси. В ближайшие дни я позвоню тебе, и мы договоримся об оплате. Только трубку подними! Хорошо? Ну пока!

– Давай поскорее, сэмпай! – волновался Моти. – Руки чешутся закрыть эту прореху! Сэтоши, ты уже определился с ритуалом?

Однако Конэко не уходила. Угрюмо смотрела из-под насупленных бровей. Партнеры засуетились, и какое-то время никто не обращал на нее внимания, пока она вдруг не сказала:

– Я тоже шаманка. Пока что студентка, но очень способная. Так преподаватели говорят. Когда у меня еще выпадет такой шанс? Могу ли я просто понаблюдать?

Тут Мизуки не выдержала и взорвалась:

– Да проваливай уже! Боже, как ты бесишь!

Сэтоши одернул ее:

– Эй! Она наша будущая коллега. Мы в одной лодке. Слушай, Конэко! Можешь остаться до первого совета или предложения помочь. Окей? Начнешь встревать или снимать, если вдруг где-то телефон припрятала, я тебя лично посажу в такси. Поняла?

– Спасибо, Ямадзаки, – пискнула Конэко и действительно растворилась в ночном дожде, став незримым наблюдателем, как и Цзюэ.

Сэтоши отбросил металлический кейс куда-то в сторону и положил печати на ладонь, которые очень быстро стали влажными. Он несколько минут пристально глядел на эти ветхие клочки бумаги, будто хотел прочитать надписи, а затем тяжело выдохнул:

– Эта шаманка дзю-он проводила ритуалы с кровью, ребят.

– У меня плохое предчувствие, – сказал Рэй и полез в рюкзак. – Мне нужен мой бубен.

– К сожалению, моя интуиция сейчас орет «код красный», – подтвердила Мизуки.

– Давайте пробовать! – скомандовал Сэтоши.

Подбросил печати вверх, и они некоторое время лихорадочно дергались в воздухе, пока он не вытащил из кармана бамбуковую палочку и легким движением не разделил их. Пять клочков бумаги засияли оранжевым золотом и стали так быстро вертеться, что вскоре образовали мерцающее в полумраке кольцо.

– Где же ты, где же ты, где же ты, где же, где же, деже, деже… – Сэтоши медленно погружался в транс, а на фоне вибрировал бубен. Рэй ударял по кожаной мембране ладонью и воспроизводил только ему известную мелодию. – Деже ты, деже ты, деже ты, дежетыдежетыдежеты…

Мизуки знала свою роль. Ей нельзя было отвлекаться, нельзя было поддаваться этой чарующей волне. Сейчас Сэтоши крайне уязвим. Она – его глаза и уши.

Прошло минут пятнадцать, а прореха так и не появилась.

– Сопротивляется, сволочь, – прошептал Басёк, с тревогой поглядывая на Сэтоши и на Рэя, который уже в отчаянии молотил по бубну. – Они слишком долго в трансе, ребят. У них не останется сил. Давайте сделаем перерыв!

Но Мизуки отрицательно покачала головой:

– Еще немного. Я чувствую. Сейчас.

И в тот же миг Сэтоши громко ахнул, словно вынырнул из-под толщи воды, и громкий треск разорвал пространство. Мизуки подхватила Сэтоши под руку, и они вместе наблюдали, как тускнел круг из печатей, рассеивался мрак и как расползалась трещина. Она росла, росла, пока не достигла человеческого роста. Из сияющей прорехи доносился запах свежести и чистоты.

– Рэй, ритуал, – прошелестел Сэтоши, все еще опираясь на Мизуки.

– Парни, сделайте мне шатер из зонтов! Буду курить благовония.

Рэй отыскал местечко, где хотя бы не пузырились лужи, и вынул из рюкзака многочисленные чаши, палочки и бутылочки. Вскоре резкий и даже неприятный аромат окутал ворота Ходзомон.

Мизуки не видела Рэя из-за зонтов. Однако слышала его бормотание, смешанное с дождем, и чувствовала, как на языке оседала горечь полыни. Она знала, что этот привкус теперь надолго останется во рту.

Мизуки уже знала, что ритуал Рэя не сработает, и чертову прореху они сегодня не закроют. И все остальные это понимали, но Сэтоши всегда боролся до конца. Даже если конец сулил проигрыш.

– Хоть танцуй! Хоть пой, Рэй! – рявкнул Сэтоши. – Мы должны ее закрыть!

Рэй подскочил, отбрасывая зонты в стороны, и его волосы синей птицей взметнулись вверх:

– Ты напрасно тратишь мои силы и свои нервы, сэмпай! Ты знаешь, что там внутри. Хоть тысячу шаманов сюда приведи. Духи молчат, и ты понимаешь почему.

Плечи Сэтоши поникли, и он весь сгорбился и скукожился:

– Понимаю. Рэй и Мизуки, оставайтесь здесь. Охраняйте вход. Моти, Бас, со мной в… в «карман 1310». Так будет называться эта вселенная.

Он подошел к прорехе. Ее края раздвигались без усилий, как театральная завеса, тяжелая, но податливая. Вскоре яркий свет проглотил шаманов.

Глава четвертая, в которой Сэтоши Ямадзаки обнаруживает «карманную» вселенную

Сэтоши не сразу сообразил, почему внезапно исчезло белое сияние с голубоватым оттенком, и все вокруг поглотила чернота, словно кто-то выключил свет. С опозданием в несколько секунд после удара его плечо вспыхнуло горячей болью. Поверхность под ногами покачнулась, и Сэтоши рухнул на колени.

Чертовы сапоги!

Он был так взволнован поиском прорехи, что не додумался переобуться в удобные ботинки.

– Моти, Бас! – Сэтоши вслепую ощупывал ладонями землю. Трава? Нагретая солнцем почва? – Парни, что происходит?!

Но в ответ он услышал лишь болезненные стоны и тяжелое дыхание. Что-то тяжелое опустилось Сэтоши на голову, заставив его распластаться, и он не смог подняться, чувствуя, как в животе стянулся тугой узел страха и неопределенности.

– Что, черт возьми, происходит?! – заревел Сэтоши и только сейчас понял, что его лицо облеплено комьями грязи, пахнущей гнилостной болотной тиной.

– Сэмпай, твою мать, считаешь, сейчас удобное время для отдыха?! Валяешься, как рухлядь на помойке! – крикнул Басёк. В его голосе не было раздражения или злости. Он веселился. – Моти, подними повыше! Ща будет великое столкновение.

Сэтоши как мог прочистил глаза и увидел цветочную поляну под ослепительно-голубым небом и шаманов, настолько чумазых, словно они искупались в грязевой луже. А еще странных существ, хаотично перемещающихся и сталкивающихся друг с другом. Их огромные тела были слеплены из комков земли с трещинами, из которых сочилась вязкая жижа. Живая масса с неровными краями постоянно текла и менялась, создавая эффект иллюзии. Сэтоши догадался, что Моти и Басёк поднимали монстров над поляной и сталкивали их, вызывая тем самым комковатый темный дождь.

– Раз, два, три! – задорно заревел Моти. – Сдохните, сволочи!

Небо на мгновение потемнело, и поток вонючей дряни вновь пролился Сэтоши на голову. Он содрал с себя сапоги и подскочил, едва удерживая равновесие:

– Идиоты! Вам нравится жрать дерьмо? Технику внутреннего разрыва проходят на первом курсе академии, придурки! В круг, рюкзаками друг к другу!

Шаманы стояли на вершине холма, а существа поднимались к ним по склону, обагряя траву красноватой ржавчиной. Сэтоши вытянул руку с бамбуковой палочкой вперед, ощущая, как энергия в беспорядке клубилась по всему телу, но усилием воли он собрал ее в мощный поток, однако в самый последний момент сдержал этот поток, замедлил, превратил в плотный шар и ввел в тело монстра. Тот мгновенно перестал двигаться и с громким хлопком взорвался, оставляя после себя лишь лужу.

– Прости, сэмпай, что устроили побоище, – смутился Моти. – Чё-то мы заигрались!

– Все дело в технике, – миролюбиво ответил Сэтоши, взрывая очередного монстра. – Эти грязевики, так их назовем, достаточно медленные и не требуют от вас быстроты реакции. Тогда почему бы вам не сделать работу изящно?

– Я люблю тебя, Ямадзаки, – крикнул Басёк.

– Заткнись! – засмеялся Сэтоши.

Вскоре стало очевидно, что существ было подозрительно много.

– Источник, – сказал Моти. – Нам нужно уничтожить источник этой аномалии, иначе твари никогда не закончатся. А наши силы небесконечны. Ну или давайте вернемся в Токио.

Сэтоши покосился на черную трещину на голубом небосводе – путь домой. В прорехе, созданной госпожой Бо пятьдесят лет назад, со временем образовалась карманная вселенная. Чтобы остановить аномальный дождь в квартале Асакуса, нужно закрыть прореху, но это невозможно, пока существует вселенная. Прежде чем вернуться, Сэтоши должен понять, какой объем работы их ожидает, чтобы заранее подготовиться.

– Я пойду вниз по склону. Поищу источник. Если не уничтожить его сейчас, то все равно придется сделать это в другой раз. Так что немного поработаем, парни! – Сэтоши двинулся навстречу грязевикам.

Существ становилось все больше, и шаманы не успевали их уничтожать. Из комковатых тел выделялись руки, если можно было так назвать покрытые слизью конечности, которые вышибали весь дух из парней. Они падали и поднимались вновь, но с каждым ударом сил становилось все меньше.

– Я ничего не вижу! – сердился Моти.

И правда! Грязи было столько, что и небо, и трава казались коричневыми.

– Волновая техника! – скомандовал Сэтоши, пальцами прочищая глаза. – Их слишком много! Сдерживайте, сколько сможете!

Он скользил на корточках, как по водной горке в аквапарке, лавируя между монстрами. Басёк и Моти смогли замедлить движение грязевиков, и это помогло Сэтоши увидеть источник: дыра в земле, из которой бурлила фонтаном жижа, которая, падая с хлюпаньем на землю, превращалась в монстров.

Сэтоши отполз в местечко, где трава была почище, и снял рюкзак. Он искал блокнот и ручку с чернилами, которые приготовил Рэй с помощью ритуала. Несколько взмахов – и печать разрушения была готова. Сэтоши поднял голову и на вершине холма увидел Моти и Басёка с вытянутыми руками. Они ослабли, и поэтому грязевики вновь ускорили движение.

– Парни! Последний рывок! Еще одна сдерживающая волна! – Сэтоши побежал прямо в толпу монстров.

Его сразу же откинул в сторону мощный удар. Тогда он встал на четвереньки и почти что поплыл, потому что грязь поднималась уже выше локтей.

Когда до источника оставалось метров пятьдесят, Сэтоши заметил, как несколько грязевиков столкнулись друг с другом и, слепившись, стремительно покатились к нему. Никогда еще Сэтоши так мгновенно не реагировал техникой внутреннего разрыва. Хлопок был настолько громким, что на несколько мгновений заложило уши. Сэтоши просто купался в луже, захлебывался, но все-таки дополз до источника и бросил в него печать:

– Один, два, три, четыре, пять.

Фонтан застыл в воздухе, а затем раскрошился на миллион осколков, как и чудовища. Все закончилось. Сэтоши обернулся и увидел по склону бегущих к нему шаманов.

– Мне кажется, что я теперь никогда не отмоюсь от этой вони, – ревел Моти, поскальзываясь и спотыкаясь.

– Сэмпай, ты как там? Все в порядке? – беспокоился Басёк.

Сэтоши наконец нашел в себе силы подняться на ноги. Он посмотрел на долину, что теперь была перед ним, как на ладони, и пробормотал:

– Я не в порядке, ребят. Я не в порядке.

* * *

Сэтоши так отчаянно орудовал мочалкой, что кожа на плечах воспалилась. Кажется, Моти был прав: эту вонь вовек не отмыть. Горячая вода приносила облегчение телу, а вот мысли продолжали болезненно ворочаться, вновь и вновь возвращая Сэтоши в долину.

Неужели опять? Неужели опять я должен это сделать?

А непреложный закон набатом бил в голове: «Любая карманная вселенная, влияющая на основную вселенную, должна быть уничтожена».

Сэтоши вспомнил, как они вывались из прорехи, грязные и уставшие. Вспомнил ошарашенное лицо Мизуки и вопрос Рэя: «Еще одна печать невидимости? Верно, сэмпай?»

Они так и не закрыли прореху в квартале Асакуса. И, вероятно, не скоро закроют. Прежде им нужно уничтожить…

Сэтоши уменьшил поток холодной воды. Ванная комната наполнилась густым паром. Он сел на ноги, уперся ладонями в кафельный пол и пробормотал: *«Я ненавижу тебя, Харуки. Ненавижу. Ты все испортил. Все испортил и ушел. Оставил меня одного разбираться с этим дерьмом».*

В долине меж плавных холмов уютно расположилась деревушка. Дома с тростниковыми крышами и низко свешивающимися над верандами карнизами. Квадраты огородов и рисовых полей. Озеро с горбами перевернутых лодок на берегу. И синева леса, убегающего вдаль. Укромный мирок, живущий размеренно и спокойно. «Карман 1310».

Сэтоши бесшумно выскользнул из ванной комнаты – не хотел беспокоить Мизуки. Но она не спала. Сидела на диване и смотрела в окно, за которым разливались утренние сумерки.

– Как ты? Кофе готов. И якква пропиталось медовым сиропом, – сказала Мизуки.

Она надела кигуруми в виде медведя и еще укрылась пледом. Видимо, сильно замерзла под дождем.

Сэтоши тряхнул влажными волосами:

– Не хочу печенье.

– Тебе станет лучше. Я специально приготовила заранее, чтобы поднять тебе настроение. Как чувствовала, что…

– Я не хочу печенье! Сказал же! – рявкнул Сэтоши и тут же в наказание ударил себя по щеке.

Так часто делал, когда переставал контролировать эмоции. Ему не стоило повышать голос на Мизуки. Она, в конце концов, просто беспокоилась о его состоянии.

– Почему ты так реагируешь? – поднялась с дивана Мизуки. – Это одна из многочисленных карманных вселенных, которые нам просто стоит уничтожить.

– Там люди из крови и плоти. Такие же, как и мы. – Сэтоши отправился в спальню и вынул из шкафа джинсы и свитшот. Вряд ли сейчас он был способен уснуть.

– Любая карманная вселенная, влияющая на основную вселенную, должна быть… – Мизуки отправилась за ним.

– Я знаю это чертово правило! Разве я не один из лучших шаманов в этом городе?

Мизуки развела руки в стороны:

– Тогда в чем твоя проблема? Очередной «карман». Это просто работа.

Сэтоши застыл с одеждой в руках. Она была права. Это просто работа. Однако мозг вновь подкинул старые воспоминания, лихорадочные и болезненные. Он может врать другим, но не себе. Это не просто работа.

– Все изменилось год назад. Верно? После той ссоры с Харуки. – Мизуки била в рану, еще толком не зажившую. – С тех пор ты стал осторожным с заказами. Самые сложные отвергал. Говорил что-то вроде: парни должны освоить технику, потому что это база. Я не идиотка, Сэтоши. Я ведь на твоей стороне. Всегда на твоей стороне. Поделись переживаниями. Раздели их со мной.

Сэтоши быстро оделся и направился в коридор. В этой квартире ему было душно и тесно. Особенно рядом с Мизуки.

– У меня все в порядке. Сколько раз можно повторять? – Он схватил ветровку и сумку через плечо и выбежал из квартиры.

Мизуки крикнула вслед:

– Куда ты с мокрыми волосами?

Сэтоши около часа бесцельно шатался по улицам, вдыхая терпкий аромат опавших листьев. Изморось тонкой вуалью оседала на коже. Серое ноябрьское небо было холодным и беспощадным. Сезон Момидзи[12], когда так хорошо любоваться красными листьями кленов, неожиданно начался порывистым ветром и низким падением температуры.

Когда Сэтоши промерз, казалось, до самых костей, в круглосуточном магазине купил большой стакан горячего шоколада. Затем он вошел в метро и отправился в офис.

* * *

Сэтоши внутренне возмутился. Кому вообще пришло на ум оставить розовый мешок с мусором возле входной двери офиса? Еще и зонт сверху бросили. Знакомый принт, кстати. *Hello Kitty*.

– Конэко? Ты жива?

Определенно криминальная мысль возникла у Сэтоши в голове, но, к счастью, мешок ожил и заворочался. Сначала на тротуар выползла длинная нога в ботинке с высокой шнуровкой, потом раздался громкий зевок, и, наконец, зонтик съехал в сторону. Черные пряди рассыпались по розовому пуховику, который Сэтоши сначала принял за мусорный мешок. Глаза, опухшие и красные, медленно раскрывались. В них пока еще блуждала растерянность.

– Не боишься заболеть? – спросил Сэтоши и дотронулся до тротуарной плитки. Холодная.

– Я взяла это в мусорном контейнере. – Конэко ткнула пальцем в толстый слой упаковочной бумаги и вдруг ахнула. Осознала происходящее и резко подскочила. – Прости, Ямадзаки.

С балкона второго этажа свесился полный мужчина лет сорока в махровом халате:

– Эй, друг! Я в следующий раз вызову полицию. Эта девушка тут уже несколько часов. Только из уважения к тебе. Понимаешь? Тебе ведь не нужны проблемы? Верно?

Сэтоши низко поклонился:

– Господин Данго, прошу прощения за беспокойство. Это больше не повторится!

Данго посмотрел на Конэко с осуждением и беспокойством одновременно:

– Так ведь и заболеть недолго!

Сэтоши поклонился еще раз, отворил дверь и вместе с зонтиком и упаковочной бумагой затолкнул Конэко внутрь офиса:

– Чертов котенок! Разве ты не должна сейчас спать в своей розовой кроватке в обнимку с единорогом?

– Она белая.

– Что? О чем ты? – недоумевал Сэтоши.

– Моя кровать. И постельное белье тоже белое, – прошептала Конэко и внезапно заплакала.

Они стояли посреди полумрачного офиса. Утреннее солнце изо всех сил пыталось осветить эту обитель токийских шаманов, но верхний свет все же стоило бы включить. Но Сэтоши этого не сделал. Он с изумлением пялился на эту хрупкую и беззащитную девушку, обернутую длинными волосами, и чувствовал, как в груди разрасталась огромная дыра жалости. Захотелось обнять Конэко и почему-то дотронуться до ее лица. Чтобы что? Стереть слезы? Сэтоши одернул себя, устыдившись мимолетного проявления нежности.

– Слушай… Мм… У тебя что-то случилось?

[12] Период любования красными листьями клёнов, а также само явление смены цвета листьев на красный. Сезон Момидзи в Токио обычно приходится на конец ноября – начало декабря.

– Моя мама. Я впервые за последнее время оставила ее одну на всю ночь. А она болеет, – всхлипывала Конэко.

Из войлочного домика выползла Пупырка, огляделась кругом и вальяжно потопала к миске с кормом.

– Почему же ты не поехала домой? – спросил Сэтоши.

Конэко нахмурила брови и сделала такое выражение лица, будто Сэтоши был самым тупым человеком на планете, а она делала одолжение, что объясняла ему:

– Мама потеряла память на девяносто процентов. И утром будет спрашивать у меня, где ее дочь. Так что неважно, где я нахожусь. Она все равно меня не узнает. Это тебе понятно?

Сэтоши снял ветровку и повесил ее в шкаф-гардероб:

– Тем более нельзя оставлять ее одну. Она же может причинить себе вред.

– Ты что-то в этом понимаешь? Ты – врач? Или ухаживал за инвалидом? – набросилась Конэко.

– Ну я…

– Если нет, то закрой свой рот! – Конэко плюхнулась на диван и деловито сложила руки на груди. Ее слезы высохли.

Сэтоши с раздражением вспомнил, как пару минут назад хотел пожалеть девушку, но сейчас готов был ее придушить.

– Вообще-то это ты сюда пришла. Помнишь? – спросил Сэтоши и щелкнул электрочайником, который, впрочем, не работал.

Тогда он покопался в тумбочках над раковиной и нашел другой.

– Верно. Прости, Ямадзаки, – нервно засмеялась Конэко и, стянув пуховик, бросила его прямо на пол. – Лучший способ защиты – это нападение. Результат сложного детства.

– Здесь тебе не нужно защищаться. Хорошо? – Сэтоши вытащил две упаковки рамена. – Тебе острый или очень острый?

А потом они молча ели лапшу и наблюдали, как утреннее серебро заливало офис. Небо по-прежнему оставалось серым. Пупырка уютно устроилась на розовом пуховике. Пахло перцем чили и вишневой жвачкой. Сэтоши нравилось, что рядом с Конэко можно было молчать и не испытывать при этом неловкость. Совсем как с Харуки год назад.

– Я не спрятала молоко, – неожиданно вспомнила Конэко. – Мама опять выпьет несколько стаканов и будет весь день сидеть в туалете. Ей можно только безлактозное.

– Кто следит за ней, когда ты на учебе?

– Социальный работник. Милая женщина.

Опять помолчали.

– Проклятие, Ямадзаки! Я сожгла язык! – возмутилась Конэко и облизала губы, которые стали ярко-красными от перца. – Что ты будешь делать с «карманом 1310»?

– Уничтожу. Это просто работа.

Конэко тяжело выдохнула:

– Это не просто работа. Там такие же люди, как и мы.

Сэтоши застыл с палочками у рта и только усилием воли сдержал подступающие слезы. Неважно, что он сейчас чувствовал и какие переживания испытывал, но эта девушка должна заиметь толстую кожу, раз выбрала путь шаманки.

– Тогда шагай в академию и пиши заявление об отчислении! Ты не справишься с этой профессией, – намеренно грубо сказал он, странным образом ощущая, что говорил самому себе.

Конэко надулась и какое-то время молчала, а потом осторожно спросила:

– И как ты собираешься уничтожить ту деревню?

– Техникой, которой я владею мастерски. Я построю замок из дождя, а потом разрушу его. Под мощными потоками воды погибнет все живое. Фактически дождь тут ни при чем, – объяснял Сэтоши. – Было бы правильней сказать замок из воды, но из дождя звучит изящнее. Я видел там озеро, и думаю, что у партнеров все получится. Можно было бы использовать технику попроще, но это вклад в будущее ребят. Они научатся многим вещам.

Конэко подтянула к себе колени, оголяя бедра. Ох уж эта короткая юбка! Сэтоши хотел было сделать замечание, но передумал. Они оба не спали всю ночь. Конэко вряд ли соображает, что делает. Да и девичьи бедра он как-нибудь переживет!

– Так зачем ты пришла к офису? – спросил он.

Конэко повернулась к Сэтоши и возбужденно залепетала:

– Я ведь… Ну это просто учеба. И мы учимся и практикуемся в академии. Но сегодня ночью в квартале Асакуса, когда я видела всех вас, и как ты и Рэй входили в транс… Это другой опыт и другие переживания. Это словно долго есть пустой рис, а потом добавить в него и соль, и уксус, и приправу фурикакэ. Я хочу стать частью вашей команды. Ямадзаки, пожалуйста. Я хочу видеть, как ты строишь замок из дождя.

– Я не могу тебе платить. К тому же ты работаешь в доме престарелых. Еще учеба и мама, – резонно заметил Сэтоши.

Конэко так стремительно приблизилась к нему, что их носы едва не соприкоснулись.

– Я все решу! Это мои проблемы. В «Серебряном возрасте» я работаю всего три дня в неделю. И буду просить социального работника, чтобы… Неважно! И деньги мне не нужны.

Сэтоши заговорщицки подмигнул:

– А как же двести тысяч за печати?

– Это другое! *Эти* деньги мне нужны, чтобы отыскать отца. Так что… По рукам? – ~~Кэноко~~ Конэко протянула свою узкую и маленькую ладошку.

Сэтоши отрицательно покачал головой:

– Мне нужно сначала поговорить с партнерами. Мы же команда.

Конэко скисла:

– Мизуки будет против. Я ей не нравлюсь. Госпожа Ивасаки из «Серебряного возраста» говорит: семь раз проверь, прежде чем усомниться в человеке. А меня Мизуки даже не проверяла. Сразу – в черный список.

Сэтоши прогнал Пупырку и протянул пуховик Конэко:

– Пойдем в метро!

– Зачем?

– Не зачем. Просто ехать в никуда. Думать. Смотреть на людей. Наблюдать. Я совсем не хочу спать.

Конэко оделась и сложила зонтик:

– Ты чокнутый! Сейчас в метро не протолкнуться. Такая толпа! Удовольствия мало. Мы будем как консервированный анчоус в банке.

Сэтоши налил Пупырке чистой воды, выбросил упаковки от рамена в мусорное ведро и отправился в туалет, крикнув оттуда:

– Не беспокойся! Я почищу зубы!

– Фу, боже! Я не позволю тебе ко мне приблизиться даже со свежим дыханием. Мы будем в разных концах вагона, извращенец.

♫ Chappell Roan «The Subway»

Они потеряли счет времени. Перестали следить за названиями станций. В этом было много веселья: никуда не спешить, пытаться занять свободное место и выскакивать из вагона перед самым закрытием дверей. При ярком освещении Сэтоши заметил, что у Конэко под

нижней губой находилась родинка, а передние зубы немного выпирали вперед, так что когда она улыбалась, то была похожа на милого кролика. Они почти не разговаривали и даже в какой-то момент задремали.

– Ты меня бесишь тем, что совсем не бесишь, – сказал Сэтоши на какой-то станции, и Конэко поняла, что он имел в виду.

Когда же они расстались, то Сэтоши был вымотан настолько, что едва добрался домой. Падая прямо в одежде на кровать, он краем сознания почувствовал ароматы имбиря и корицы. На мгновение стало стыдно перед Мизуки, а потом он провалился в глубокий и крепкий сон.

Глава пятая, в которой Конэко Окадо ходит по краю пропасти

Белоснежная штора лихорадочно танцевала под порывами ночного прохладного ветра. Конэко следовало закрыть окно, но она неподвижно стояла посреди комнаты и следила за тем, как глаза многоэтажек постепенно потухали. Светящиеся чудовища превращались в мрачные силуэты.

Пахло пряным ноябрем и влажной землей.

Конэко даже не расправила кровать. Вероятно, этой ночью она не ляжет спать. На письменном столе трепетала глянцевыми листьями аралия, точно подавала знак, что ей было очень холодно. С экрана ноутбука глядело улыбающееся лицо Сэтоши. Конэко долго искала эту фотографию среди сотен размытых и снятых случайными людьми снимков, будто драгоценный камень в пыльной долине хаоса.

А эти шторы купила мама несколько лет назад. Она любила скатерти, покрывала и салфетки. И обязательно, чтобы были белыми. Теперь-то мама забыла, что любила украшать пространство вокруг себя. А Конэко не забыла, поэтому каждую субботу она стирала постельное белье и тюль, а в воскресенье тщательно выглаживала все эти рюшечки и складочки. Ради мамы.

Экран погас. Конэко дотронулась до клавиатуры, чтобы вернуть широкую улыбку Сэтоши. Его волосы казались такими черными, что отдавали синевой. А в мочках ушей виднелись проколы. Значит, раньше он носил серьги. И веснушки! На крыльях носа и скулах у Сэтоши были веснушки. От всех этих деталей Конэко почему-то трудно стало дышать, поэтому она и открыла окно.

Мелькнула осторожная мысль о влюбленности, но Конэко сразу же придушила ее прямо голыми руками. Не из-за Мизуки. Хотя подразнить эту выскочку было бы крайне приятно, тем более Конэко отбивала ухажеров у других девочек еще в детском саду. Просто она не могла забыть слова, которые сказал Сэтоши: «Ты меня бесишь тем, что совсем не бесишь». Он захочет проникнуть в ее сердце, стать родственной душой и вытащить из чертогов памяти все самое сокровенное. Конэко готова была подарить миллион поцелуев, лишь бы не впускать в душу. Но такому парню, как Сэтоши, всегда будет мало только физической близости.

Доверять людям вреднее, чем курить. С этой установкой Конэко жила уже много лет.

Она закрыла ноутбук, с раздражением рявкнув: «Проваливай, Ямадзаки!», и вытащила из шкафа штаны карго, черное худи и шапку бини. Этой ночью ей необходимо было раствориться во мраке. Конэко осторожно пробралась в другую спальню: белые шторы, уютное кресло и фарфоровый манэки-нэко[13] на прикроватной тумбочке. Ночник с теплым желтоватым светом окутывал маму мягким коконом. Она по-прежнему была красивой. Тонкая, почти прозрачная кожа, длинные лучинки бровей и изящная шея, словно цветочный стебель. Женщина крепко спала. Грудь поднималась и опускалась легко и плавно. Конэко знала, что мама, днем мечущаяся в тревоге и вечной борьбе, только ночью обретала покой в объятиях сна.

Конэко нацепила черную медицинскую маску на лицо, захватила рюкзак с мешком песка и выскользнула на улицу. Ей предстоял путь в район Санья, токийские трущобы, которые не указаны на карте и про которые в приличном обществе не говорят.

[13] Приглашающий или манящий кот. Символ удачи и благополучия.

* * *

Много лет назад в районе Санья жили буракумины, потомки средневековой «нечистой» касты, которая занималась забоем скота, выделкой кожи и уборкой мусора. В этих местах было много мясных лавок, а мясниками становились не от хорошей жизни. Бездомные или отчаявшиеся люди находили в Санья свое пристанище, и вскоре этот район стали называть «место исчезнувших».

В Санья до сих пор пропадали люди. Причины для этого были разные: долги, позор перед обществом, криминальные истории и банальная усталость. Некоторые громко называли район концлагерем или гетто, но место это выглядело самым обыкновенным с лабиринтами переулков, кафешками и парикмахерскими. Улицы были относительно чистыми. Магазинов много. Однако люди тут ошивались разные, так что гулять в одиночестве, особенно девушкам, особенно по ночам, звучало не самой лучшей идеей.

Санья – одно из немногих мест в Токио, где люди, опустившиеся на дно, находили себе жилье и работу. Днем тут можно было встретить много стариков, а вот ночью процветало производство порошка из неоновой хиганбаны. По этой причине Конэко тут часто гостила. Она покупала порошок для обеспеченных студентов академии, чтобы они, не ровен час, не запятнали репутацию своих родителей темными сделками.

Конэко двигалась бесшумно и осторожно, избегая освещенных улиц. Она предпочитала мрачные закоулки, где легко было затеряться. На кону стояло отчисление из академии, узнай там, чем она промышляла по ночам. Однако в этот раз Конэко собиралась не просто покупать хиганбану, а воровать ее, чтобы вернуть долг Крюку.

Она вздрогнула, когда прямо перед носом открылась металлическая дверь и из брюха какого-то бара вывалился пьяный мужчина. На мгновение раздражающая вспышка розового света разорвала тьму на куски. Запахи пота и алкоголя вырвались наружу, а рваный бит эхом разнесся по округе. И вновь стало тихо. Конэко рванула к мусорным контейнерам, по которым шастали крысы.

– Свинья немытая, – проворчал мужчина, с трудом поднялся и двинулся в неизвестность.

Конэко дождалась, когда стук ботинок стихнет, и, прижимаясь к зданиям, направилась в торговую галерею Ирохакай, где в зале игровых автоматов еще год назад располагалась ночлежка, а сейчас там обитал поставщик порошка Мамонт, крепкий и лысый парень лет двадцати пяти.

Конэко вошла в крытую аркаду. Над входом висел баннер с героями старого анимэ «Завтрашний Джо». Большинство магазинов были закрыты. Лишь из некоторых доносилась глухая музыка и выползали узкие полоски света. Ночных посетителей Конэко не встретила, лишь споткнулась о бродягу, который крепко спал возле лавки с дешевой мужской одеждой.

♫ Hibari Misora «Kawa No Nagare No Youni»

План Конэко был прост, но, как ей самой казалось, гениален. Мамонт вел ночной образ жизни. Он официально продавал раритетные виниловые пластинки и проигрыватели, которые, впрочем, никто не покупал. Он так и сидел в окружении этой рухляди, словно истинный ценитель старины, а на самом деле нелегально поставлял стеклянные пузырьки с порошком неоновой хиганбаны.

Мамонт поднимал ролл-ставни в бывшем зале игровых автоматов, включал настольные лампы, создавая атмосферу уюта и романтики, и вставлял в проигрыватель пластинку Мисоры Хибари[14]. Пластиковые пальмы, которые в полумраке выглядели настоящими; вельветовое

[14] Культовая японская певица и киноактриса.

кресло с рюшами и свеча с химически-ванильным ароматом на стеклянном столике. Именно в глянцевых горшках с пальмами под слоем искусственного мха Мамонт и прятал свои пузырьки. Конэко решила устроить небольшую песчаную бурю, на время ослепить и дезориентировать Мамонта, выкрасть хиганбану и сбежать. Для этого она и тащила мешок с песком в район Санья.

Конэко издалека услышала тягучий, как мед, голос Мисоры: *«Жить – значит путешествовать. Идти по этой бесконечной дороге. И вместе с любимым человеком искать свои мечты. Даже если дождь польет и дорога размокнет, когда-нибудь снова наступит ясный день».* Прямоугольник света падал на тротуарную разбитую плитку. Конэко, находясь на противоположной стороне от магазина Мамонта, остановилась в отдалении и опустилась на четвереньки. Ползла до тех пор, пока не увидела мужские кроссовки. Парень сидел на своем привычном месте.

Голос Мисоры, словно мягкий поток, медленно и плавно разливался по улице. Каждая нота – капля росы на траве, прозрачная и чистая: *«Я шла, не зная пути, по этой длинной узкой дороге. Оглянулась назад, вдалеке виднелся отчий дом. Ухабы и рытвины, извилистые тропы. Заблудиться без карты – это тоже часть жизни».*

Конэко подползла еще ближе и, вынув из рюкзака мешок, развязала его и высыпала содержимое прямо на тротуар. Она надела защитные очки, а затем опустила ладони над песком, который сразу же заструился между пальцами так приятно, будто шелковистая ткань оборачивала кожу. Конэко начала аккуратно закручивать крупинки в тонкую спираль, превращая песок в миниатюрную воронку. Постепенно она усиливала вращение, и воронка в ее руках расширялась и росла, будто живое существо, наполненное силой и могуществом. Конэко встала. Контролировать этот смерч становилось сложнее с каждой секундой, так что она резко взмахнула рукой, направляя массу в открытую дверь магазина. Сама же побежала следом и сразу услышала дикий вопль – песок засыпал глаза Мамонту.

Внутри магазина творился хаос. Ничего не было видно. Необузданная стихия, как резкий порыв ветра, закрутила все мелкие предметы в беспорядочном танце. Мамонт, видимо, пытался выскочить на улицу, но зацепился за столик и упал, потому что раздался звук разбитого стекла, а следом испуганный крик:

– Что, черт возьми, тут происходит?! Помогите!

Конэко, пытаясь хоть как-то управлять воронкой, уже неряшливой и дикой, тотчас и почти вслепую направилась к кадке с пальмой и принялась ворошить мох. Одной рукой искала хиганбану, другой – управляла песчаной бурей. Когда же пальцы отыскали желанные пузырьки и осталось только под шумок выскользнуть и скрыться в темном переулке, где-то за спиной раздался голос:

– Проклятье! Мамонт, что же тут творится?

Это случилось так внезапно, что Конэко растерялась, и ее внутренний поток энергии мгновенно иссяк. Песок и мелкие предметы с шуршанием и грохотом свалились на пол, и оставалось только одно – бежать изо всех сил. Боковым зрением Конэко увидела Мамонта, который отряхивал голову, и стоящего у входа в магазин старика с каким-то тюрбаном на голове. Она оттолкнула его и бросилась на дорогу.

– Лови его! Лови воришку! – верещал старик, и Мамонт действительно ринулся следом.

Конэко слышала за спиной его тяжелые шаги и порывистое дыхание. Хотя Мамонт и был быстрее и сильнее, но Конэко, вероятно, смогла бы удрать, если бы не споткнулась и не распласталась на земле. И тогда она почувствовала, как ее дернули за капюшон и, приподняв над землей, развернули на сто восемьдесят градусов. Уличный фонарь осветил скуластое лицо Мамонта и его воспаленные глаза. Он содрал с Конэко ~~Кэноко~~ очки и маску и изумленно воскликнул:

– Кавайи[15], это ты? Какого хрена ты тут устроила? Я вообще не понял.

– Господин, я… – Конэко лихорадочно думала, как выкрутиться из этой ситуации, но на ум, как назло, ничего не приходило. Приняла решение хотя бы быть вежливой.

– Проверь, что у нее в руках! – кричал приближающийся старик.

Конэко тяжело выдохнула и раскрыла ладонь – три пузырька хиганбаны.

Мамонт с некой долей обиды выпятил нижнюю губу и протянул:

– Кавайи, ты-ы-ы…

– Простите, я оказалась в безвыходной ситуации. Это меня не оправдывает, господин. Простите! Разрешите для начала навести порядок в магазине. – Она низко поклонилась и протянула пузырьки.

Но Мамонт их так и не забрал. Он отчаянно о чем-то размышлял, как будто решал простое уравнение и злился, что не может быстро с ним справиться. И вдруг – озарение!

– Так ты шаманка, кавайи! Вот как сотворила эту бурю!

– Она – шаманка? – спросил старик. Он дышал со свистом, а еще по пути потерял свой тюрбан. Так что перед Конэко теперь стояли два лысых мужчины. – Шаманы у нас только по вызову бывают. А так не живут здесь.

Конэко сделала еще одну попытку вернуть пузырьки, но Мамонт категорически отказался. Взгляд его переменился, стал жадным и хищным. Какая-то назойливая мысль поглощала его.

– Забери хиганбану себе! Видно, нужда у тебя, кавайи, раз ты уж начала воровать.

Конэко не нравился ни взгляд Мамонта, ни его голос, который вдруг зазвучал маслянисто и угождающе.

– Господин, я принесу деньги в самое ближайшее время.

– Даже не думай! Людям нужно помогать. Верно? Иди-иди, кавайи! – Он посмотрел на наручные часы. – Скоро со станции будет отправляться первый поезд. Успеешь добраться!

И Конэко действительно развернулась и пошла по пустой галерее, ощущая, как глаза старика и Мамонта прожигали дыру в ее затылке. Подумала про оставленный рюкзак, но там все равно кроме песка ничего не было. Так что черт с ним! Сердце от волнения так сильно стучало, что, казалось, сейчас разорвет грудную клетку и выскочит наружу. У Конэко было плохое предчувствие. Такие люди, как Мамонт, не прощают долгов. Он может говорить все, что угодно, но эти три пузырька он никогда не забудет.

– Я найду тебя, кавайи, когда придет время!

Конечно, он не забудет.

Конэко успела на первый поезд. На рассвете она вернулась домой. Приняла душ и приготовила маме завтрак. Спать хотелось до жути. Но Конэко решила не пропускать занятия, и, залив в себя две чашки крепкого кофе, отправилась в академию.

* * *

Софи, чернокожая одногруппница Конэко и, наверное, единственная, с кем она хорошо общалась во всей академии, никак не могла спокойно лежать на футоне[16] и, постоянно перекатываясь на бок, горячо шептала:

– Конэко, он жуткий зануда, но дело ведь не только в этом. Я живу в Токио уже семь лет, но меня здесь никогда не примут. Чужая!

– Это просто неудачное свидание. Откуда столько драмы? – устало проворчала Конэко.

---

[15] Японское слово, которым называют что-то милое, славное, маленькое, хорошенькое.

[16] Хлопчатобумажный матрас.

В сэнсорной комнате было тепло. Полумрак погружал в состояние полудремы. И если бы не жалобы Софи и монолог социального педагога, то Конэко с удовольствием уснула бы.

– Кто-то постоянно разговаривает! – повысила голос педагог, худенькая женщина с короткой стрижкой. – Контроль своей энергии и возможность грамотно ею управлять – основа шаманского искусства. Обратите внимание, что мы всегда употребляем слово «искусство».

Софи опять перекатилась на футон Конэко:

– Мы ужинали в ресторане. И я макнула нигири в соевый соус рисом, а не рыбой. Так он мне чуть мозг не вынес.

– Макнула рисом? Ты чего? С соусом должна соприкасаться только рыба. И совсем чуть-чуть. Так и повара можно оскорбить, – возмутилась Конэко.

– Вот видишь! Чужая! – всхлипнула Софи.

Педагог говорила:

– Энергия струится между вашими пальцами, как теплый песок. Этот момент ощущается счастьем…

Конэко тяжело выдохнула, думая о прошедшей ночи. То, что она творила в галерее Ирохакай, нельзя было назвать искусством ни под каким предлогом.

– Понаблюдайте за опытными шаманами, за их руками, за одухотворенными лицами и поймете, о чем я. Искусство в каждом движении…

Конэко вспомнила видео с несколькими миллионами просмотров, где Сэтоши в парке Огунохара вытягивал нити из дождевых потоков и в воздухе плел паутину. Одной рукой удерживал тяжелую массу воды, а бамбуковой палочкой рисовал узоры. После того как видео завирусилось, в академии появились подражатели Сэтоши, но им, несомненно, не хватало мастерства, ведь палочка должна стать продолжением пальцев.

– Я познакомилась с шаманом Ямадзаки. – Конэко внезапно захотелось похвастаться Софи.

– С каким Ямадзаки? Тот, что с пухлыми губами? – Софи не сразу сообразила, о ком идет речь, но, когда поняла, резко присела и рявкнула. – Да иди ты!

Студенты засмеялись. Социальный педагог выключила зеленую подсветку, что волнами плескалась по стенам и потолку, и включила верхнее освещение:

– Идите к нейротренажерам! Сегодня не могу с вами совладать. Столько суеты!

Софи, как пиявка, присосалась к подруге: а какой Ямадзаки? а голос? а как он пахнет? а цвет глаз какой? Конэко успела сделать упражнения для суставов кистей и позанималась на тренажерах мелкой моторики, а вопросы у Софи не заканчивались. И она не успокоилась, пока не выпросила обещание познакомить ее с Сэтоши.

♫ Miley Cyrus «End of the World»

Конэко выжидала Крюка в тупике рядом с библиотекой. Она стояла за высеченной из камня скульптурой Персея, держащего в руке голову Медузы Горгоны. Нет, Крюк не был завсегдатаем библиотеки, но там проходила встреча одного из этих дурацких клубов для богатых студентов, которое он посещал, и наверняка по приказу родителей.

Прошло минут двадцать. У Конэко затекли ноги. Захотелось пить. Она полезла в рюкзак за бутылкой, но слайдер на молнии застрял. Конэко не рассчитала силу, дергая за слайдер, и содержимое рюкзака рассыпалось по полу. Она, проклиная все на свете, выползла из своего укрытия и принялась собирать вещи, пока не столкнулась с кожаными ботинками, начищенными до блеска так усердно, что можно было разглядеть собственное отражение.

– Помощь нужна? – раздался сверху смешливый юношеский голос.

Конэко на мгновение задумалась. Что могло вызвать веселье у этого парня? В их возрасте вид на задницу в короткой юбке должен вызывать другие эмоции. Она подхватила карандаш и неловко поднялась:

– Сама справлюсь!

А парень все улыбался. Конэко уже встречала его в столовой. Кажется, он учился на последнем курсе. Высокий, хорошо сложен. Слегка удлиненные волнистые волосы небрежно зачесаны назад. Лицо светлое и доброе. В широко раскрытых глазах полно радости и умиротворения. Один из тех уникальных людей, у которого в жизни все хорошо. Это отражается во всем: уверенные движения, спокойная улыбка и расслабленные плечи.

– Тебя ведь Конэко зовут? – спросил парень.

Она нервно покосилась на дверь библиотеки и буркнула «угу».

Как же незаметно вернуться к Персею?

– А я – Танэ Аканиси. Сходим на свидание?

Конэко нахмурилась, но не из-за Танэ. Обычный представитель элиты академии. Этих вечно тянет на приключения. Странная девчонка в короткой юбке, подрабатывающая в доме престарелых, – еще та забава. На самом деле, Конэко расстроилась из-за заевшей молнии. Теперь на занятия с шоппером ходить, что ли? А, может, вернуться в район Санья и отыскать оставленный там ночью рюкзак? Не, это вообще не вариант.

– Сходим. Но не сегодня. Вечером у меня работа. – Конэко хотела поскорее избавиться от нового знакомого.

Танэ удивился:

– Так просто? Даже не подумаешь?

– Зачем? – пожала плечами Конэко. – Ты хорошо пахнешь. На маньяка не похож. И наверняка пригласишь в нормальное место. Хотя бы поем вкусно. Записывай скорее мой номер. Я тороплюсь.

Танэ опешил от такой прямоты, но, кажется, сейчас ему действительно стало любопытно. Он записал номер и не сдвинулся с места, продолжая пялиться на Конэко, которая бросила: «Ну пока!» – и побежала в тупик, едва библиотечная дверь распахнулась.

– Чиитиро! Эй! – шикнула она, когда увидела лениво шаркающего Крюка.

Он порыскал глазами по коридору и неторопливо отделился от компании других студентов. С перекошенным ртом юркнул к скульптуре и грубо толкнул Конэко в стену:

– Я тебе что говорил? Нас не должны видеть вместе.

– А то что? – с вызовом спросила Конэко, чувствуя, как по затылку разливается тупая боль. – В кои-то веки тебя с девушкой увидят. Так-то не вижу очередей из желающих с тобой встречаться. – Она болезненно застонала. – Разве я не просила тебя рассчитывать силу? Вот же придурок!

Крюк так сильно сжал челюсть, что, думается, даже Персей вздрогнул от скрипа его зубов:

– Не беси меня, малыш! Однажды я разукрашу твою кукольную мордашку.

Конэко знала, что он способен избить, сделать донос ректору или отдать ее на растерзание дружкам-отморозкам. Таким, как он, сходило с рук любое преступление. Единственное, чего Крюк боялся, – это гнева родителей, которые могли перекрыть доступ к деньгам. В Конэко постоянно боролись страх перед Крюком и желание поиздеваться над ним. Она каждый раз приближалась к краю пропасти, просто находясь рядом с этим парнем.

– Заткнись, Чиитиро! Я по делу. – Конэко вынула из кармана толстовки пузырек с порошком. – Держи! Теперь мы в расчете.

Крюк выглянул из-за статуи Персея и просканировал коридор. Убедился, что за ними не следили, и длинными проворными пальцами, точно паучьими лапками, пополз по ладони Конэко и хватанул пузырек:

– А ты быстро! Своровала, что ли? Хотя не рассказывай. Мне плевать! Ну пока!

Крюк уже развернулся, чтобы уйти, но Конэко уцепилась за его рукав:

– Подожди! У меня есть еще один пузырек. Я отдам тебе его, если ты мне кое в чем поможешь.

Крюк обернулся и с недоверием уставился на Конэко. Он медленно моргал, и на его лице читалось лишь одно: в чем подвох?

– Чего ты хочешь?

Конэко объяснила:

– Преподаватель литературы… Она ведь твоя родственница. Верно? Но я не очень нравлюсь госпоже Такахаси…

– Ты никому не нравишься, – перебил Крюк.

– Да плевать! Мне просто нужно задать ей пару вопросов.

– Так иди и задай! Я тут при чем? – Крюк все порывался уходить, но, видимо, вспоминал про хиганбану.

– Да потому что эти вопросы не про учебу. Мне надо кое-что узнать из прошлого. Госпожа Такахаси работает в академии уже лет тридцать. Верно?

Крюк задумался:

– То есть ты хочешь, чтобы я попросил тетушку ответить на твой вопрос, и за это я получу еще одну порцию порошка? И что тебе нужно узнать?

– Это личное. Кое-кто из моей семьи учился в академии… Обычные воспоминания, ничего такого, но госпожа Такахаси даже не глянет в мою сторону, приди я к ней с таким запросом.

Крюк отчаянно боролся внутри себя, все еще не доверяя Конэко, но желание получить заветный пузырек победило. Он кивнул:

– Через пятнадцать минут возле кабинета тетушки. Наверняка заставит меня пить с ней чай, черт возьми.

* * *

Крюк прямо-таки вывалился из кабинета госпожи Такахаси, злой и фыркающий раздражением. Вырвал пузырек из ладони Конэко и побежал прочь.

– Кажется, кто-то получил сегодня порцию отборных обнимашек, – бросила вслед Конэко и злорадно ухмыльнулась.

Затем набрала побольше воздуха в легкие и постучала в дверь.

– Входите! – каркнули в ответ.

Воздух в кабинете был спертым, а шторы раскрыты ровно настолько, чтобы видеть очертания мебели и не спотыкаться. Все знали, что преподаватель литературы боялась сквозняков и яркого света. Кроме этого она ненавидела людей, а в особенности студентов.

– Слушаю! – Госпожа Такахаси пряталась за большим экраном компьютера. Она преувеличенно громко клацала по клавиатуре длинными и загнутыми вниз ногтями.

Конэко растерялась. С чего бы начать разговор? Личные дела одногруппников ее мамы хоть и приблизили к разгадке, но ответ все равно не дали. Итак, она точно знала, что мама забеременела от парня из своей группы, но имя так и осталось в темных закоулках памяти. Туда Конэко уже не добраться. Семь имен. Круг нужно было сузить.

– Почему ты молчишь? – рявкнула госпожа Такахаси и выглянула из-за экрана. Прямые графитные брови и красные губы ровными полосками разлиновали лицо, седые волосы сидели идеальным «горшком» на маленькой голове. Взгляд изучающе заскользил по Конэко, по ее напряженным плечам и рукам, сомкнутым на животе, и, наконец, задержался на короткой юбке. – Почему ты игнорируешь правила и не носишь форму?

– У меня нет денег. Нам с мамой едва хватает ее пособия по инвалидности, поэтому я подрабатываю в доме престарелых. – Конэко решила, что начать беседу с искренности и честности неплохой ход. Ну и надавить на жалость не помешало бы.

– Твоя мама была талантливой шаманкой, но ее сочинения я до сих пор вспоминаю с ужасом. – Госпожа Такахаси указала на стул и двумя пальцами зацепилась за изящную ручку кофейной чашки. Сделала глоток и поморщилась. – Я слышала, что она попала в аварию и потеряла память. Мне жаль.

Конэко опустила рюкзак на пол и присела:

– Я осталась одна, и мне очень тяжело. Поэтому и решила отыскать своих родственников: отца, бабушку, хоть кого-нибудь. Мама неохотно рассказывала про свои отношения, но я точно знаю, что мой папа – один из ее одногруппников. Госпожа Такахаси, возможно, вы помните, с кем моя мама больше всего общалась, или замечали ее особо близкое отношение к кому-нибудь из юношей. Мне важна любая мелочь.

Преподаватель откинулась в кресле и поплыла по реке рассуждения:

– Вот вы все: литература то, литература се. А ведь она дает нам возможность безопасно пережить яркие и сильные чувства. Испытать неизведанное, надеясь, что подобное в реальности не случится никогда. Через сопереживание читатель может словно бы не по-настоящему пережить эмоции, которые, если и существуют, то их лучше избегать, чтобы не столкнуться с губительными последствиями. Но твоя мама… Она вовсе не избегала приключений и ничего не боялась. Проживала каждый день не по глоточку, а выпивала полностью. – Госпожа Такахаси провела указательным пальцем по каемке чашки. – К ней тянулись студенты. Она сразу привлекала внимание. Шумная, страстная, красивая. Всегда в центре событий. Ты совсем не похожа на свою мать.

Конэко поерзала на стуле, отвлекая себя разглядыванием стеллажей с книгами, потому что слезы были близки к тому, чтобы хлынуть из глаз. Она действительно не была похожа на свою мать. Мама, которая днем наглаживала салфетки и скатерти, а ночью пускалась во все тяжкие с людьми, вдвое младше себя. Мама, которая однажды уехала в отпуск со случайными спутниками, оставив девятилетнюю дочку одну дома. Мама, которая постоянно меняла места работы, ведь ей везде было скучно. И, наконец, мама, которая после очередной попойки пьяная села за руль и попала в дорожную аварию.

Госпожа Такахаси продолжила:

– Я, конечно, не знаю, кто твой отец. Но с кем же чаще всего я видела твою мать? Дайка вспомнить! Обычно я хорошо помню имена, но ведь прошло много лет. – Преподаватель, хватаясь за край стола, с трудом встала с ортопедического кресла и направилась к стеллажам. Она была невысокой и с искривленным из-за сколиоза позвоночником. – Где-то была книга к пятидесятилетней годовщине академии. Туда поместили выпускные фото всех студентов. Кажется, вот эта!

Госпожа Такахаси вернулась к рабочему столу и принялась листать толстый глянцевый фотобук.

– На выпускном балу твоя мама уже была в широком платье. Пыталась скрыть беременность, как я понимаю. Твои бабушка и дедушка где?

Конэко пожала плечами:

– Их и не было. Маму растила тетушка, которая умерла вскоре после моего рождения. Она же и оставила нам квартиру.

Госпожа Такахаси отыскала нужную фотографию. Двенадцать молодых людей, лица и имена которых Конэко уже хорошо знала. Личные дела, похищенные из кабинета ректора, до сих пор лежали в ящике ее рабочего стола.

– Возле твоей мамы всегда крутились молодые люди, но вот эта студентка, Акира Танака, кажется, была лучшей подружкой. По крайней мере, они выглядели неразлучными. – Преподаватель указала пальцем на фотографию милой, улыбающейся девушки. – Танака поначалу служила шаманкой, но потом она родила нескольких детей и посвятила себя материнству. Пару лет назад она гостила в академии на выпускном балу.

– Где Танака сейчас живет? Может, вам известно? – спросила Конэко, фотографируя страницу с изображением студентов.

– Конечно нет! – Госпожа Такахаси вновь уткнулась в экран компьютера.

Конэко поняла, что разговор окончен.

– Спасибо большое, госпожа Такахаси.

– Говори спасибо Чиитиро. Не знаю, что ты там обещала, но ему теперь придется сопровождать меня на благотворительный вечер. До свидания. Увидимся завтра на лекции.

Конэко уже собиралась покинуть кабинет, когда в спину прилетело:

– И да! Не крутись возле моего племянника. Короткие юбки, несомненно, привлекают молодых и неопытных юнцов, но вы из разных миров. Живи в своем и не пытайся попасть в чужой.

* * *

– Всю жизнь я любил только одну женщину до самой ее смерти. Кто-то скажет, что быть женатым больше сорока пяти лет – настоящее безумие, а на самом деле мне даже не хватило этого времени. Хотя бы еще один час. И каждую минуту этого часа я повторял бы, как сильно любил ее. – Старик водил ладонью по шершавому стволу яблони.

– Я никогда не встречала такого романтика, как вы, господин Сабуро.

Конэко сидела на скамейке и любовалась, как яблоневый сад оборачивался вечерней дымкой. Ветви деревьев казались изможденными на фоне угасающей синевы неба. Опавшая листва мягким слоем укрывала землю, создавая коричнево-красное лоскутное одеяло. Сад выглядел умиротворенным в своей естественной природной красоте.

– Легко быть романтиком, когда рядом подходящая женщина, – улыбнулся господин Сабуро и, опираясь на трость, неторопливо пошагал по тропинке.

Сад дышал ноябрем: сыростью опавших листьев, их землистым и немного пряным ароматом, смешанным с едва заметными нотками влажной почвы и напитанной дождями древесины.

Конэко последовала за стариком:

– А как понять, что этот человек особенный и единственный и вообще на него не жаль потратить сорок пять лет?

– Ну… Запах.

– Запах?

– От правильного человека пахнет чем-то родным и близким. Никогда не ошибешься. И это не запах духов или мыла. Когда я возвращался домой с работы, моя жена обычно в это время готовила ужин. Я утыкался носом в ее шею и говорил: «От тебя пахнет любовью». А она отвечала: «Это жареные баклажаны». – Господин Сабуро засмеялся. – Баклажаны, пот, лекарства… На самом деле, от нее всегда пахло любовью.

– Это мило.

Конэко взяла старика под руку, и они вместе вошли в реку густого тумана, что заклубился над тропками, как только солнце спряталось за горизонт.

Они долго гуляли молча, и вдруг Конэко прошептала:

– Я так устала. Мне всего девятнадцать лет, а я уже ненавижу эту жизнь.

Господин Сабуро нежно улыбнулся:

– Это не так, Конэко-тян. Ты несомненно любишь эту жизнь, просто что-то складывается не так, как ты представляла. Так, может, пора избавиться от иллюзий и довериться судьбе? Полезно сказать «я проиграл» и начать двигаться дальше. Иногда нужно потерять все, чтобы найти себя. Ведь любой конец – это начало чего-то нового.

– Наверное, я когда-нибудь вспомню ваши слова, и они даже будут полезными, но не сегодня.

– Тогда просто отправляйся домой и отдохни! Утром все проблемы уже кажутся не такими страшными.

– После нашей прогулки я еще проведаю госпожу Бо и тогда поеду домой.

Старик задумался:

– Та угрюмая шаманка, что приехала в «Серебряный возраст» совсем недавно? Сегодня ночью она умерла. Во сне. Не успела что-то ей сказать, Конэко-тян?

– Угу, не успела. Я нашла человека, который исправит ее старую ошибку. И у этого человека на крыльях носа и скулах есть веснушки.

Господин Сабуро захихикал:

– Звучит довольно романтично.

– О нет! Я – антиромантик.

Глава шестая, в которой Рэй Иендо спасает малыша из «кармана 1310»

– Когда же ты пригласишь своих коллег в гости? – спросил парень лет семнадцати, с трудом произнося каждое слово.

– Тогда, когда ты, Эри, перестанешь есть хлопья три раза в день, – буркнул Рэй, не отрывая взгляда от учебника по шаманским психопрактикам.

– Ошибаешься. Это в пятый раз. – Эри неловким движением зачерпнул ложкой молоко из миски, едва не опрокинув ее. – Это из-за того, что я – инвалид. Стесняешься меня?

Рэй захлопнул книгу, зачесал синие волосы назад и уставился на младшего брата:

– Нет, не поэтому, придурок. По какой причине я должен тебя стесняться?

Эри улыбнулся, но это было больше похоже на оскал:

– Я плохо хожу, невнятно говорю, и еда постоянно вываливается изо рта. Еще то зрелище!

Рэй покосился на настенные часы: половина одиннадцатого вечера. Скоро выдвигаться на работу. Не мешало бы чего-нибудь перекусить. Одному богу известно, сколько времени этой ночью они проведут в «кармане 1310».

– Я не приглашаю их в гости, потому что наша домработница за один поход в супермаркет тратит больше денег, чем та зарплата, которую выдает мне Ямадзаки.

– Неловко, что ты богат? – спросил Эри, впрочем, без удивления.

К ним в гости приходили только коллеги родителей по бизнесу. Никто моложе сорока не заглядывал к ним домой уже несколько лет.

– Наши родители богаты, а не я. И они не просто богаты, а бесстыдно богаты, – фыркнул Рэй. – Партнеры постоянно говорят про деньги, вернее, про их нехватку, а я думаю, что одна ваза из маминой спальни могла бы закрыть все их финансовые проблемы.

– Так ты врешь своим друзьям? – допытывался Эри.

Он посмотрел на беспорядок, который оставил после еды. Но, так как каждая его попытка убрать за собой заканчивалась разбитыми посудой и коленями, то просто оставил все как есть и ухватился за ручки ходунов, что стояли неподалеку.

Рэй направился к раковине за тряпкой:

– Не вру, просто недоговариваю.

– А как же доверие – основа партнерских отношений? – спросил Эри и медленно покатился прочь из кухни. – Не верю, что Ямадзаки не гуглил тебя?

– Гуглил? Ты серьезно? – Рэй следовал за братом по широкому холлу.

С высокого потолка свисала хрустальная люстра, поражающая своим размером и изяществом. Огромная, словно сверкающий кристалл, она тянулась вниз, образуя сложную сеть из множества ветвистых цепочек и подвесок. Рэй называл эту люстру музейным экспонатом, искренне не понимая, какая от нее польза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.